АНДРЕЙ ВЕТРИК

ВЕЛИКОЕ ПЛАМЯ

ПЕЧАТЬ СВЕТА И ТЬМЫ • КНИГА ПЕРВАЯ

Андрей Ветрик
Великое пламя

https://litres.ru/74830467
SelfPub; 2026

Аннотация

Тенрей - парень с пустынной Ванкилы, когда-то брошенный и никому не нужный. Он видит души: у каждого сердца горит огонёк, скрытый от остальных. Три года Тенрей странствует по галактике с ворчливым инженером Тайном, здоровяком Факиром, не помнящим прошлого, и пьяным капитаном-контрабандистом на ржавом корабле. Лёгкая прогулка оборачивается погоней. Впереди парящие мосты Атилона, загадочный Беталл, арены магов и кладбище крейсеров. И тайна Великого пламени, способная навсегда изменить их судьбы.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	48
Глава четвертая	72
Глава пятая	86
Глава шестая	136
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Великое пламя

Печать Света и Тьмы
Великое пламя

Книга первая

ПРОЛОГ

Наше торговое судно – это космический корабль, пробирающийся сквозь темень космоса, озаряемую лишь мерцанием далеких и чужих звезд. Для такого корабля – огромного межгалактического крейсера – перелеты на невообразимые расстояния, от звезды к звезде, совсем не проблема.

Конечно, хотел бы я так сказать – но, увы, нет…

Реальность оказывается куда прозаичнее: на самом деле это маленькое и совсем никудышное суденышко, которому под силу перемещаться лишь от планеты к планете. Его можно было бы даже назвать незаметным, если бы не одно *но*: судно капец какое приметное – нет, ну в самом деле! Изъеденный ржавчиной корпус, выгоревшая от космического излучения обшивка, а на правом борту, аккурат под иллюминатором, нелепо красуется криво нарисованная голова какого-то существа – метра три в длину, не меньше. То ли рыба, то ли змея – или это вообще насекомое? Последнее слово оставил за собой капитан нашего корабля – он свято верит, что это дракон. Видели таких? Лично я – нет. И, честно говоря, не особо рвусь. Капитан говорит, что они огромные и свирепые, в чешуе крепче любой силовой брони, с крыльями, что одним взмахом застилают небесную твердь, и с когтями, разрывающими плоть легче, чем астероиды вспарыва-

ют обшивку неудачливых кораблей… А, ну вроде еще хвост был – но это не точно. Бр-р-р… Страшно?

Как-то раз капитан показал мне тридцать три лиловых шрама, разбегавшихся по всей спине.

– Смотри, сынок, это меня рвал дракон, – сказал он. – Но я не струхнул и вынес его с одного удара!

Ка-а-а-ак?! Огромный дракон! А в тебе, черт возьми, от силы полтора метра роста! Нет, лично я считаю, что его просто секли плетью. Баек капитан за три года нашего странствия рассказал мне немало, и в каждой он в одиночку спасает целые народы, а врагов становится то много, то уж слишком много. Говорит, мол, участвовал в какой-то «Великой Световой войне», в сражениях которой на кону стояла судьба всей Вселенной. Странно, конечно, что о ней, кроме него, никто не знает. Хотя одно в его байках не менялось никогда – стойкий запах перегара. Трезвым я его не видел ни-ко-гда! Где бы мы ни остановились – город, деревня, да хоть пустыня! – он ВСЕГДА найдет там алкоголь, даже если его там отродясь не водилось, и заполнит трюмы доверху со словами:

– На дорожку!

По профессии капитан – контрабандист. Он это, конечно, отрицает, мол, документы-то в порядке, но возит он редких, вымирающих зверей. Только не спешите записывать его в алчные проходимцы: выполнив работу, он постоянно забывает взять за нее оплату, а вспоминает об этом, только улетев за десятки световых лет, – и потом долго ругается, обвиняя

в этом нас. Капитан пытается корчить из себя злыдня, но на самом деле он невероятно добрый, отзывчивый и помогает всем, кому только может.

Поверьте мне, я не просто знаю – я вижу это. Я вижу его чувства, его эмоции, его душу, в прямом смысле. Это особенность моих глаз – впрочем, об этом чуточку позже! Капитан сам себя зовет Гном-воитель, а я зову его просто – деда. У него слегка квадратная голова, на которой аккурат умещается бокал пива: как-то раз в баре он даже выиграл на этом спор у одного бандита, а драку потом расхлебывали мы с Факирчиком. Но гордость дедули – его серая, густая, как мех, длиннющая борода. Иногда мне кажется, что она у него живая.

Называя наше судно ведром с болтами, я ни капельки не преувеличиваю: кроме мостика и капитанской каюты, весь корабль – это огромный грузовой отсек, ставший на целых три года нашим домом. Гулкая железная пещера, где под потолком вечно моргает единственная уцелевшая лампа, пол завален коробками и мусором, а посреди всего этого бедлама – клетки со зверьми. Звери постоянно выбираются наружу – то прутья перегрызут, то замки сломают, – и мы с Факиром потом битый час загоняем их обратно. А запахи! О, вселенские боги… Скажу одно: к середине корабельных суток глаза здесь слезятся без остановки.

Но знаете что? Нам невероятно повезло – ведь с нами в команде есть Тайн! Из болтов, ржавого куска металла и от-

вертки он может смастерить киборга-убийцу… Ладно, насчет болтов я слегка преувеличил, но только не про киборга. Это Тайн без конца чинит судно изнутри и латает пробоины снаружи, и, мне кажется, его не заменит даже самый продвинутый искусственный интеллект. А еще он изумительно готовит! Только вот по характеру наш инженер хуже старого деда: вечно ворчит и называет меня ребенком… Черт возьми, бесит! На себя бы лучше в зеркало посмотрел – унылая моль желтоглазая…

Почему мы все это терпим? Во-первых, у нас нет ни денег, ни документов, поэтому мы вынуждены летать с дедой, пока он не доставит нас до нужного места без лишних неприятностей. А во-вторых… меня все устраивает. «Ищи хорошее даже в самом плохом» – сказал мне деда в самом начале нашего пути, и теперь это мой принцип. За три года мы отбивались от космических разбойников, спасали всякие планетки и стали настоящей семьей, как бы громко это ни звучало. Как жаль, что наше путешествие подходит к концу…

Правда, осталось одно, с чем необходимо разобраться, пока наши пути не разошлись, – как помочь Факирчику. Он не помнит о себе совершенно ничего – даже имени! Летал себе по космосу с капитаном, пока не встретил нас с Тайном и не сжег по случайности наш суперсовременный корабль вместе с деньгами и документами… Именно поэтому я зову его Факир – но это только мне можно его так называть, имейте в виду, хе-хе. А для всех остальных он Мэтра – это имя тоже

придумал я. А еще Факирчик ну просто жуткий неудачник: не было ни одной планеты, где мы с ним не попали бы в какую-нибудь передрягу. Ну а Тайн… Его отец – император одной из самых влиятельных держав во Вселенной, и Тайн думает, что это отец нанял убийц, чтобы его ликвидировать. Нутро мне подсказывает, что тут все не так просто. Поэтому мы и летим на встречу с отцом Тайна – чтобы во всем разобраться.

Ну, собственно, на этом я думаю закончить приветствие… Хотя постойте – я забыл представиться: меня зовут Тенрей, и это *НАША* история!

P.S. Я. НЕ. РЕБЕНОК!!! И не вздумайте меня так называть! Бесит… Пойду разбужу Тайна…

Глава первая

«Этот дивный мир»

«Я снова здесь» – слова пронеслись в сознании Тайна, отражаясь переливами, дробясь на осколки и снова собираясь воедино.

Он огляделся. Под ногами – водная гладь, ровная, как натянутая струна, и пустота вокруг. Ни ряби, ни ветра, ни звука. Свет шел ниоткуда, тень под ним не ложилась, и шаги не оставляли на воде следа.

Это преследовало Тайна каждый раз, стоило ему только заснуть. Можно было бы списать все на странный сон, на игру расшатанных нервов, – только он знал, что это не так: обычный сон гаснет, стоит понять, что спишь, а отсюда не просыпаются по желанию. Сколько он уже здесь? Минуту? Год? Времени здесь не было.

– Тайн… – вдруг окликнул его тихий, едва слышный голос, ножом разрезав тишину.

Его имя прозвучало, как обещание, и сердце замерло от едва переносимой радости. Где-то позади, совсем тихо, звал и второй голос, в другую сторону, но путь к первому казался вернее. Тайн пошел на него. С каждым шагом ступни покалывало морозом, будто он шел по незримому снегу.

Потом все заволокло дымкой, бесцветной, как вода, что застоялась в трюме. Воздух стал спертым, каждый вдох давался труднее, а внутри что-то дрожало и рвалось наружу, как из бездны, из которой нет выхода. Тайна объяла такая паника, что затряслись руки.

– Черт возьми, да что со мной… – испуганно выдавил Тайн.

И тут он услышал:

– Я жду тебя, Тайн! – лучиком среди дождевых туч прозвучал далекий, но чарующий голос.

Он побежал. Дымка обратилась инеем, вода под ногами схватилась льдом, сначала тонкой коркой, потом мутной толщей. Голые ступни горели, пальцев рук он почти не чувствовал, и каждый вдох резал горло, будто он глотал битое стекло.

– Ты уже совсем близко, я жду тебя! – вновь прозвучал все тот же голос.

– Кто ты? – взволнованно крикнул аонец. – Ответь!

– Найди меня, и ты узнаешь ответы на *все* вопросы…

Он шел, волоча ноги, пока тело не сковали невидимые цепи. Следом пришла боль, согнувшая его пополам, а за ней страх – дикий, животный, возникший из ниоткуда.

– Осталось всего два шага, – произнес голос, – ты почти справился…

Тайн сделал первый шаг. Он уже поднял ногу для второго, как вдруг за его спиной раздался другой голос – женский.

– Не смей! – и Тайн вернул ногу на место.

Голос был таким знакомым и родным, что Тайн, не раздумывая, обернулся к нему. А первый больше не казался чарующим: теперь он пугал. Тьма за спиной разрасталась, обретала плоть и приближалась. В тишине он услышал тяжелые шаги. Лед под ними не хрустел – он глухо стонал, как стонет промерзшее озеро под непомерным весом.

– Я. Должен. Бежать, – выдавливая каждое слово из пересохшего горла, произнес Тайн.

Но он не мог пошевелить даже пальцем. Шаги оборвались у него за спиной. Затылок обдало тяжелым, хриплым дыханием, и чужие руки легли ему на плечи – так, будто сквозь одежду вдавили раскаленное железо. Аонец закричал изо всех сил, но из горла не вырвалось ни звука.

– Ты не во сне, – будто читая его мысли, леденящим душу нездешним голосом произнесла сущность, – и сам прекрасно понимаешь это. Теперь ты мой, и ни-ку-да от меня не денешься…

– Обернись. – Теперь голос звучал приказом, и тело Тайна само начало оборачиваться, сантиметр за сантиметром. Боковым зрением он уже видел руку: черную, словно обугленную, с длинными когтями и кожей, изъеденной ранами, как у мертвеца. От нее тянуло гарью давно потухшего пожарища.

– Стой! – вдруг осадил его женский голос. – Не слушай его, ты сам решаешь, как тебе поступить!

Тайн остановился.

– Я СКАЗАЛ: ОБЕРНИСЬ! – прокричало существо, и голос его впился в Тайна, как стальные спицы.

– Я сам решаю, как мне поступить, – произнес аонец.

– ТЫ, – каждый слог все больнее впивался в Тайна, – НИЧЕГО не решаешь. ТЫ – ТРУС, что вечно бежит от своих проблем. И ВСЕГДА им останешься.

– Страха нет, – ответил Тайн неожиданно твердым голосом, вспомнив слова того, кто был для него дороже всех в этом мире.

– Не ври МНЕ! Я вижу ТЕБЯ насквозь. ТЫ боишься МЕНЯ!

– Больше – нет! Ведь страха *не существует* – это лишь плод моего воображения. Хочешь встретиться со мной лицом к лицу? Давай!

Тайн обернулся – но вместо смерти, которую ждал, увидел лишь пустоту. Существа больше не было. Лед растаял, мир снова окрасился в теплые летние тона, и вместо смертельной хватки его со спины обняли женские руки – знакомые и родные.

Он опустил глаза. Руки были тонкие, белые, совсем юной девушки. На безымянном пальце левой руки – кольцо из желтого металла, без камней, с надписью на неизвестном ему языке. Простое и строгое, оно походило не на украшение, а на знак.

– Ты молодец, Тайн… – с нежностью прошептала она. – Ты справился, но больше не должен приходить сюда.

– Кто ты? – удивленно произнес аонец. – Мы знакомы? Где… я? Что это за место?

– Ты не должен приходить *сюда*, живым тут делать нечего. Запомни это!

Объятия ослабли и словно развеялись.

– Прощай, Та-айн… – гаснущим отголоском прозвучали последние ее слова.

– Постой! Не уходи! Побудь еще со мной, хоть мгновение! – взмолился аонец, обернувшись, но незнакомки уже не было.

Мир вспыхнул багровым и оранжевым, вода налилась цветом раскаленного металла.

– Пора ПРОСНУТЬСЯ! – раскатом грома прозвучал другой, слишком хорошо знакомый аонцу голос. – ВСТАВАЙ, сколько можно спать! ТА-А-АЙН! ВСТАВА-А-АЙ!

Водная гладь свернулась, как свиток, и исчезла. Явь возвращалась по частям: затекшая шея, ровный гул двигателей под полом, привычная вонь ржавого железа и машинного масла.

И вновь. Все то же ржавое дырявое судно и все тот же несносный подросток, имя которого – Тенрей.

Глава вторая

«Я снова здесь…»

Когда Тайн начал приходить в себя, он почувствовал, что его кто-то трясет. Трясет, как тряпичную куклу, так, что голова моталась маятником, – еще чуть-чуть, подумалось ему, и она попросту оторвется. На миг сквозь приоткрытые веки аонцу даже показалось, что глаза Тенрея пылают огнем, – но нет, они были все такими же зелеными.

Тайн не помнил ничего. Так бывает после тяжелого, болезненно-бредового сна: остается лишь осадок, гнетущее чувство, а деталей не вспомнить, как ни старайся. Он чувствовал себя совершенно подавленным. Скорее всего, обычное помутнение от усталости – другого вывода в таком состоянии не напрашивалось.

– Вставай, Тайн! – повторял подросток, не переставая его трясти.

А тут еще эта тряска… Странный сон все еще не отпускал, и ухватиться за явь никак не получалось.

– Остановись… – сухо выговорил Тайн, стряхнув с себя руки Тенрея, и наконец открыл глаза.

Проснулся он там же, где и уснул, – в захламленном грузовом отсеке, среди клеток со зверьми и пустых ящиков из-

под алкоголя. Звери почему-то притихли: не то спали, не то уже померли – Тайну было все равно. Спина надсадно ныла от неудобной позы, а в плечах поселилась тупая боль, которая не отпускала ни на минуту.

Вместо кресла, какое по праву полагалось бы Тайну, спинкой ему служил потрескавшийся деревянный ящик с полустершимися инициалами какой-то межгалактической торговой фирмы.

Справа от Тайна, тоже упершись спиной в ящик, с невозмутимым лицом сидел Мэтра – совсем молодой парень, самую малость не дотягивающий до двух метров. Даже сидя, он занимал столько места, что Тайну приходилось поджимать ноги, а колени Мэтры все равно торчали выше клеток. Черты его лица были настолько правильными, будто их вылепил искусный скульптор: ровный нос, четкая линия подбородка. Белые волосы с голубым отливом – в мигающем свете ламп они отсвечивали холодной сталью – и чистые сапфировые глаза заставляли девушек терять голову везде, где бы ни останавливалась их компания. Сам Мэтра этого, кажется, вовсе не замечал.

Тайн, напротив, был обделен привлекательностью: желтоглазый, с гладким, без единого волоса черепом, бледный, как выцветшая бумага, да еще и на голову ниже Мэтры. Впрочем, его это давно не волновало. А вот хладнокровию парня он завидовал по-настоящему: тот оставался спокойным в любой ситуации – когда горел их корабль, когда вокруг лете-

ли кулаки, когда ломалось все, что только могло сломаться. Тайн так не умел. Никогда не умел.

Аонцы – одна из самых древних и могущественных цивилизаций во вселенной, и всем своим величием они обязаны главному своему преимуществу – интеллекту. За миллионы лет эволюции аонцы стали почти безэмоциональны, а оставшуюся малую долю чувств с легкостью держат в узде. Непроницаемое лицо и холодный взгляд – вот чем встретит гостя истинный аонец. Выказать на людях чувства значит опозорить и себя, и свою семью.

Тайн был аонцем. Вот только сдерживать эмоции он не мог: они бурлили в нем, как кипяток, выплескивающийся через край. В этом и была его трагедия. Сверстники считали его неполноценным: звали дурачиной, били за то, что он не такой, как все, не пускали за общий стол. Ненависти аонцы испытывать не могли, а потому это было холодное презрение, какое встретишь разве что у совершенно бездушных существ.

Синяки и ссадины не сходили с Тайна до конца начального обучения. Но хуже было другое: родители стыдились его так, что отобрали данное при рождении имя императорской династии – Аллион – и отдали его новорожденному сыну. А ему досталась кличка Тайн: так на Аоне звали только простолюдинов. С семьей его связывала лишь фамилия Вармок. Император с радостью отобрал бы и ее, но этого не позволила старшая сестра Аолэйн, любимица и единственная дочь

правителя.

«Теперь он твоя обуза», – сказал император. Вот только для сестры брат никогда не был обузой. Она любила его, как родного сына: оберегала, воспитывала и привила ему любовь к науке и инженерии. Она заменила ему и школу, и родителей, и всеми своими знаниями Тайн был обязан ей.

Аолэйн умерла много лет назад – восемнадцать, девятнадцать, а может, и двадцать? Тайн почему-то никак не мог этого вспомнить, как не мог вспомнить ни их последней встречи, ни обстоятельств ее смерти: все стерлось бесследно. Шок? Потрясение? Или он и впрямь худший брат на свете? Ответа не было, и он без конца корил себя, разрываясь между стыдом и недоумением.

Его горе и *его* отрада…

От сестры у него остался лишь кулон из неизвестного минерала. Однажды Тайн потерял его и уже не надеялся найти, но прямо перед отлетом чудом отыскал – и с тех пор носил на шее, не снимая ни на секунду.

Тайн заерзал, пытаясь найти положение, в котором спина и плечи не будут так досаждать. После нескольких попыток он понял, что удобнее уже не сядет. Закатив глаза и снова костеря про себя всех и вся, аонец попытался расслабиться и вспомнить сон. Будь это тот самый, что снился ему изо дня в день, он не стал бы тратить на него время – ведь сон всегда был одним и тем же.

Но сегодня что-то изменилось.

Изменилось нечто важное – то, что он забыл, едва проснувшись. Оно сидело где-то совсем рядом, но дотянуться до него никак не удавалось.

«Я должен вспомнить… я забыл что-то очень важное», – твердил про себя Тайн.

Он бы и дальше сидел в раздумьях, но внезапная головная боль и не умолкающий ни на секунду голос Тенрея не давали ему покоя.

– Тайн, Тайн! Посмотри! – Парень изумленно тыкал пальцем в иллюминатор. – Что это за громадина?

– Не знаю, – сухо отрезал аонец.

– Ну как ты можешь не знать? Это же твои родные края! – Тенрей не отрывался от стекла. – Взгляни…

– Не знаю. Не знаю, и все на этом! – прикрикнул Тайн. – И перестань уже, черт возьми, вести себя как ребенок…

Тенрей обернулся; на его лице проступила обида.

– Я не ребенок, – тихо произнес парень.

– Ну да, ты не просто ребенок, – зло ответил Тайн. – Ты как назойливая муха, от которой я никак не могу отделаться!

– Знаешь, Тайн, настоящие друзья так не говорят.

Тайна взбесило его простодушие.

– А кто тебе сказал, что мы друзья?! – выпалил в сердцах аонец. – Я против своей воли стал твоим попутчиком! Но скоро все закончится, понял? Вот-вот мы приземлимся на Аоне. Я встречусь с императором, а тебя посажу на корабль, который вернет тебя прямиком к Волорину. Наши пути на-

конец разойдутся… Наконец в моей жизни наступит эра тишины и спокойствия! Чего еще желать для полного счастья?

Тенрей пристально смотрел на него, пережидая гневный выпад. Он видел, что Тайн врет, и все же слышать такое было по-настоящему обидно. А упоминание Волорина вернуло его в детство. Волорин заменил Тенрею – никому не нужному, брошенному родителями – отца: приютил, воспитал, научил всему, что знал сам. О своем прошлом он никогда не рассказывал, но выдержка и боевые навыки выдавали в нем профессионального военного. Самым же смертоносным его оружием было «чутье» – умение подмечать малейшие детали, угадывать по дыханию и шагу, куда противник перенесет вес и откуда ударит, и видеть весь бой разом, как гроссмейстер видит исход шахматной партии.

Разумеется, с таким приемным отцом детство Тенрея беззаботным быть не могло: тренировки от рассвета до заката, сбитые до костей кулаки, сломанные пальцы. Но даже это не стерло улыбку с его лица. Добрый и жизнерадостный до неприличия, он находил хорошее даже там, где другие не находили ничего. Растрепанные темно-каштановые волосы вечно падали ему на лоб.

Ванкила – планета, где он рос, – мрачная, вечно укутанная свинцовыми тучами. Занесенные песком ржавые остовы техники, руины, торчащие из дюн, дома, похожие на кое-как подлатанные развалины. Песок скрипит на зубах, а ветер, не стихающий сутками, к утру прячет вчерашнюю дорогу под

новым барханом. Но так было не всегда.

Когда-то Ванкила была межгалактической тюрьмой под управлением Совета пяти Империй, некогда хранившего вселенский мир и порядок. Но Совет распался, и планета оказалась предоставлена сама себе. Тюрьму больше никто не контролировал, и сбежавшие заключенные – как, впрочем, и бывшие конвоиры – быстро сколотили вооруженные группировки.

К счастью, группировки сумели договориться прежде, чем планета погрузилась в хаос, и создали единое правительство, в котором не последнее место занял Волорин. На Ванкиле восстановился пусть шаткий, но порядок.

Как раз тогда Волорин и встретил Тайна. Талантливый инженер-аонец стал работать на него и из ржавых агрегатов и покореженного металла возрождал то, без чего планета не выжила бы, – для Ванкилы это было настоящим чудом. Жил он вдали от чужих глаз, среди дюн, в подвале прогнившей хибары, аскетом, всецело поглощенный своими изобретениями.

Поначалу Тенрей наблюдал за аонцем настороженно и издалека: как можно предпочитать живому общению бездушный металл? Но любопытство взяло верх, и подросток стал захаживать к чудному инженеру все чаще. Тот рассказывал ему о далеких мирах, о бескрайнем космосе и нездешней красоте звезд, о древних могущественных империях и их роли в судьбе Вселенной…

Очарованный историями о мирах, которых он, как ему казалось, никогда не увидит, Тенрей все меньше времени уделял тренировкам.

И быстро за это поплатился.

«Если у тебя есть время слушать дурные рассказы, значит, ты мало тренируешься!» – говорил Волорин, недовольный новым увлечением подопечного.

Он стал загонять парня до изнеможения: рассвет заставал их на дюнах, закат – там же. Но ничто не могло согнать улыбку с лица Тенрея – как и вытравить из него тягу к рассказам Тайна.

Так шли годы, и жизнь размеренно текла в рутине, пока однажды не разбилась о жестокую действительность. За головой Тайна пришли. Волорин опознал в незнакомцах не простых наемников, а «Призраков» – элиту среди убийц «Лунного покрова».

«Лунный покров» – тайная и могущественная организация, промышляющая заказными убийствами по всей Вселенной, вплоть до глав государств. О «Покрове» шептались и в темных переулках, и в высоких кабинетах, но никому еще не удавалось поймать хоть одного его приспешника: те, кто был готов дать показания, не доживали до суда.

В тот день за Тайном пришли трое – призраки всегда ходили тройками. Безжалостных убийц, забравших бесчисленное множество жизней, остановили Волорин и Тенрей, которому тогда едва стукнуло шестнадцать. Покушение сорва-

лось, но теперь организация знала, где искать Тайна, – а значит, скоро придут другие, готовые к самому серьезному отпору.

О том дне Тенрей помнил немногое – и вспоминать не любил. Помнил, как Волорин одним движением задвинул его себе за спину, и как потом, когда все закончилось, старый вояка долго стоял, тяжело дыша, и не сразу разжал кулаки. Помнил тишину – такую, что слышно было, как песок шуршит по стенам. Тогда он впервые понял, что тренировки от рассвета до заката были не блажью, а платой за то, чтобы дожить до утра.

Аонцу оставалось одно – покинуть планету. Но вечно скрываться от «Лунного покрова» не выйдет; проблему надо было решать. Только кто желал его головы? Кто мог послать за ним убийц такого ранга? Размышляя, Тайн пришел к выводу, ошеломившему его самого: и возможность, и мотив были лишь у его отца. Тот обладал властью, был вхож в высшие политические круги и тайные элиты. А главное – именно он винил Тайна в смерти Аолэйн.

Тайн решил не скрываться и не бежать, а явиться к императору лично. Пусть все решится честно, лицом к лицу, – так рассудил аонец.

Детали с корабля «Призраков» – как раз те, которых ему недоставало, – позволили закончить судно, над которым он не один год трудился прямо посреди песков. Главный проект его жизни.

Прощались под протяжный вой ветра, вздымавшего песок вокруг корабля. Все трое стояли в пустынных одеждах, трепетавших от порывов. Волорин, высокий и седой, и здесь держался прямо, как на смотре. Ржавые конструкции скрежетали, странно смотрясь рядом с новеньким судном желтоглазого инженера. Тайн протянул Волорину руку, но тот вместо рукопожатия обнял его – молча, выражая и расположение, и благодарность за все, что было сделано для Ванкилы. Аонец улыбнулся: они никогда не называли друг друга друзьями, но за долгие годы бок о бок все же стали ими. Тут же Волорин вручил ему на расходы крупную сумму – ее с лихвой хватило бы на несколько таких путешествий.

Перед самым отлетом вдалеке прокатились раскаты грома, а свинцовые тучи сгустились, не оставив ни проблеска света. Сегодня они казались грознее обычного. Ветер усилился; песок с шорохом осыпался по обшивке. Флюгер на одной из ржавых вышек вертелся так, что, казалось, вот-вот оторвется.

– Недобрый знак, – хмуро заметил аонец, глядя на ненастное небо. – Пусть я и не верю в знамения, но хотелось бы получить сегодня хоть один небесный лучик.

– Как раз один у тебя есть, – улыбнулся Волорин и указал на Тенрея, стоявшего в стороне.

– Что ты имеешь в виду? – в недоумении спросил Тайн.

Старый вояка глубоко вздохнул, собираясь с мыслями.

– Я вырастил и воспитал сына, больше мне ему дать нече-

го. Не хочу, чтобы он гнил на этой убогой планете. Теперь настало твое время. Покажи ему мир из твоих рассказов. Ими ты зажег огонь в его сердце – так покажи ему все то, что знаешь сам. – Волорин сделал паузу и с прищуром посмотрел аонцу в глаза. – Или ты думал, я позволю тебе отсидеться в стороне?

– Но… – попытался возразить Тайн, однако мужчина не дал ему вымолвить и слова.

– Без «но», – твердо проговорил Волорин, выпрямившись. – Мое решение окончательное. Я дал ему все, что мог. Дай ему то, что можешь ты. Ведь это из-за тебя он порою пропускал мои тренировки. Если почувствуешь, что так для него будет лучше, всегда можешь посадить парня на обратный корабль и вернуть ко мне. Но не забывай: без Тенрея тебе быстро кто-нибудь открутит голову или, чего хуже, в рабство заберет. Будешь тогда где-нибудь в прогнившем подвале крутить свои механизмы за пайку супа.

– По-моему, я где-то уже проходил через такое… – нахмурился аонец, сверля вояку взглядом.

– Да ладно тебе, не преувеличивай, – Волорин добродушно хлопнул его по спине, – не так уж там было и темно. А еще… помимо супа у тебя было мясо… иногда.

Оба рассмеялись.

– Полетели с нами? – предложил Тайн, зная, какой будет ответ.

– Не могу, – ответил Волорин, вдруг поникнув. – Не могу,

и ты прекрасно знаешь *почему*.

– Но это глупо, – аонец покачал головой, – ты ведь больше никому ничего не должен.

– В первую очередь я должен самому себе, – не без тоски в голосе сказал мужчина, но тут же снова улыбнулся. – Да и возраст уже не тот, я буду вас только тормозить. Колени скрипят, как колеса ржавой тачки, а спина… клянусь, эта спина меня точно доконает.

Он помолчал секунду. Вдалеке снова прокатился гром.

– Даю слово, мы еще встретимся, старина. А пока береги парня и себя.

Тайн поднялся на борт и принялся готовить корабль к отлету. Многие системы предстояло запустить фактически впервые. Пальцы сами находили нужные тумблеры и разъемы – каждый он собирал, разбирал и собирал заново столько раз, что справился бы с закрытыми глазами. Его детище не имело права на ошибку.

Волорин попрощался с Тенреем и смотрел, как тот поднимается по трапу. На полпути парень обернулся – как всегда, с улыбкой, только глаза выдавали невыносимую тоску.

– Не волнуйся, папа. Все будет хорошо. Я смогу защитить и себя, и Тайна, – произнес он с уверенностью.

– Я знаю. Знаю, сынок, и безмерно горжусь тобой.

Впервые они назвали друг друга отцом и сыном. Только сейчас Волорин ощутил всю тяжесть расставания с тем, в кого вложил всего себя. Кажется, впервые за десятилетие глаза

у него стали мокрыми, и он был благодарен ветру за то, что песок давал этому хоть какое-то оправдание. Но он верил в Тенрея. Он знал, что воспитал его достойно.

– Ну, иди. Тебя ждут невиданные миры, – улыбнувшись, произнес мужчина.

Тенрей, глядя отцу в глаза и все так же улыбаясь, молча кивнул и, не растягивая прощание, поднялся на борт.

Все было готово. Тайн уселся за приборную панель и в строгом порядке щелкнул тумблерами. Загорелись индикаторы: цифры, шкалы, полоски. Где-то в недрах корабля родилось гудение – низкое, ровное, отдающееся в подошвах. Он взялся за штурвал, нажал кнопку запуска двигателей и одновременно двинул рычаг тяги вперед. Гудение усилилось, освещение моргнуло, корпус мелко завибрировал, а затем…

Сопла вспыхнули ярко-желтым и взревели, вихрем раскидывая песок во все стороны. Судно, словно раскачиваясь, оторвалось от земли, зависло и стало набирать мощность. Все вокруг заволокло пылью. Волорин, прикрыв лицо рукой, стоял неподалеку и не отводил глаз от корабля. Песок хлестал по щекам, забивался за воротник, рев двигателей давил на уши так, что ныли зубы, – а он все стоял. Еще пару секунд корабль парил над поверхностью, а затем со звуком, похожим на пушечный выстрел, рванулся вверх и скрылся в облаках, оставив расплывающийся инверсионный след за огоньком двигателей.

Изнутри взлет ощущался иначе. Корпус гудел, как коло-

кол, и вздрагивал на каждом порыве ветра; по обшивке шуршал песок – сплошной, сухой, как дождь по жестяной крыше. Тенрей, вцепившись в поручень, смотрел в иллюминатор, но видел только желтую муть, в которой то и дело проступали и снова тонули очертания вышек. А потом муть внезапно кончилась, корабль пробил тучи, и над ними открылось небо – черное, чистое, с россыпью колючих звезд, каких из-под свинцовых туч Ванкилы не увидишь. Тенрей прижался лбом к холодному стеклу и не отрывался от него, пока Тайн не рявкнул, чтобы он сел и пристегнулся.

А внизу Волорин еще долго смотрел вслед тусклой точке, гаснущей в сумрачном небе Ванкилы… Потом точка погасла, а он все стоял, и ветер понемногу засыпал песком его следы.

Они отправились в путь.

Короткое, всего в несколько недель, путешествие обернулось настоящим приключением. Однажды попробовав на одной из планет сладости, Тенрей заставлял Тайна садиться на каждой обитаемой планете по пути: аонец как-то неосторожно сказал ему, что мороженое – чуть ли не самая вкусная вещь во вселенной, и парень непременно хотел его найти. Тайну частые остановки совсем не нравились: убийцы из «Лунного покрова» могли подстеречь их где угодно. Впрочем, волновало это только Тайна.

На одной из таких планет они и встретили Мэтру и капитана. Встреча оказалась, мягко говоря, роковой: корабль, на

который аонец потратил годы, сгорел вместе со всем снаряжением, и жизнь вернулась в привычное русло. Правда, вместо темного подвала теперь была вонючая, разваливающаяся на ходу посудина, а вот работа за пайку супа осталась прежней.

Все это вместе с вечной усталостью угнетало Тайна, и с каждым днем он становился все нервнее. Его заводила любая мелочь, и он срывался на всех вокруг. Сегодня досталось Тенрею. Теперь тот молчал – редкий случай, – и в отсеке слышно было только, как жужжат над ящиками лампы.

– Хватит дуться, – буркнул аонец, глядя на насупившегося Тенрея. – Ты сам во всем виноват.

– Ага… еще бы, – ухмыльнулся парень. – Я всегда во всем виноват. Ну да, ну да… Ну и сиди тут, только смотри не помри, пока меня нет, а то больно уж ты бледный, прямо как моль. Желтоглазая.

– У аонцев всегда белая кожа и золотые глаза, – недовольно заметил Тайн.

– Да ты что, а я и не знал, – с наигранным удивлением ответил Тенрей. – Только вот хочешь верь, хочешь нет, но сегодня ты выглядишь особенно болезненно. Еще немного побледнеешь – и начнешь светиться. Хоть лампы чинить не придется.

– Может, я бы и выглядел лучше, будь у меня возможность нормально выспаться?

В ответ Тенрей только отмахнулся и, не желая больше ве-

сти этот бессмысленный разговор, ушел в другой конец отсека.

Мэтра проводил друга взглядом и дождался, пока хруст мусора под его ботинками не отдалится.

– Зачем ты с ним так?

– Как? – Тайн скрестил руки на груди, всем своим видом выказывая недовольство.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я. – Сапфировые глаза Мэтры смотрели на него в упор.

– Мне надоело с ним нянчиться, – выдохнул аонец. – Как с маленьким ребенком, честное слово! Сколько ему уже лет? Жизнь – жестокая штука, пора бы ему это понять. Мы не всегда будем с ним рядом.

– Согласен, не всегда. Но знаешь, когда наши пути разойдутся, я буду очень сильно по нему скучать. Ровно так же, как и ты.

– Не буду, – отрезал Тайн.

– Будешь.

– Не буду!

– Определенно будешь. И не спорь.

Тайн недовольно цокнул языком.

– Не превращайся в него. Я взял его с собой. Показал мир и сдержал слово, которое дал Волорину. Теперь мне осталось посадить его на корабль, идущий назад, и наши пути разойдутся. – Он на пару секунд прикрыл глаза. – В моей жизни наконец воцарится спокойствие.

– Смотри не пожалей об этом, Тайн. – На лице Мэтры появилась легкая улыбка. – Нам будет тебя не хватать.

Оба замолчали, глядя, как Тенрей мечется от одного иллюминатора к другому, по-ребячески дивясь чему-то огромному за бортом, похожему на планету. Он то прилипал носом к стеклу, то отскакивал к соседнему окошку, будто оттуда громадина могла выглядеть иначе. В конце концов он решил расспросить о ней капитана.

– Ты сказал: нам будет тебя не хватать, – прервал молчание аонец. – Кого ты имел в виду?

– Я решил, что какое-то время останусь с ним. Поэтому можешь не волноваться за него.

– Я и не волнуюсь, – буркнул Тайн. – И вообще – зачем тебе это?

– А разве нужна веская причина?

– Нужна.

– Мы друзья. Пока я ему нужен – я останусь с ним. Такой причины достаточно?

– Не для меня. – Аонец отвел взгляд в сторону.

– Это почему же?

Лицо Тайна скривилось.

– Потому что я не могу поверить, – выдавил он сквозь зубы, – что кто-то в здравом уме готов терпеть его ребячество и все неудобства от его присутствия! И все из-за какой-то дружбы? Что за вздор!

Мэтра, до этого сидевший полубоком и казавшийся без-

участным, развернулся к Тайну.

– Да. Из-за дружбы, представь себе, такое бывает. – В его голосе слышались нотки разочарования. – Но позволь поинтересоваться, о каких таких неудобствах ты говоришь?

– О каких неудобствах? – возмутился Тайн. Левый глаз у него задергался. Он стиснул зубы так, что послышался скрип, сжал кулаки, тяжело выдохнул – и его понесло: – А разве недостаточно того, что он постоянно ввязывается в неприятности? Там, где конфликт можно решить разговором, он обязательно пустит в ход кулаки. И после каждой драки обещает больше так не делать. Обещает беречь себя, но раз за разом все повторяется. Для него драка – словно какая-то игра… Ах, чертов Волорин, зачем он только научил его драться?

Гнев Тайна разгорался. Он вспомнил все накопившиеся обиды, и возмущение Тенреем перекинулось на Мэтру: Тайн припомнил ему и сожженный корабль, и извечные мордобои. Досталось и Волорину с капитаном.

– А сон? Сон! Я смертельно устал, это что-то невыносимое! Я забыл, когда в последний раз нормально высыпался! Это издевательство! Я нуждаюсь в отдыхе, неужели он не понимает этого?

Не дав Мэтре вставить слово, Тайн продолжил, передразнивая Тенрея:

– Что это такое, Тайн? А это? Давай посмотрим? О-о, выглядит вкусно, давай купим… и это… и вот то… – Аонец

явно издевался: – Гляди, Факир, какая красивая зверушка, дай-ка поглажу… Так ведь было в прошлый раз, когда вы мне корабль сожгли?

Договорив, Тайн немного успокоился, хотя напряжение еще не отпустило. Над головой с треском мигнула лампа.

– Закончил? – спросил Мэтра.

– Да.

– Полегчало?

– Ну… немного.

– Раз так, теперь послушай меня. Хотел бы я сказать, что понимаю тебя, но это не так. Мы видим все… – он помолчал, подбирая слово, – под разными углами. Поэтому переубеждать тебя я не стану.

– У тебя это и не получится.

– Не перебивай, – осадил его Мэтра. – У тебя было время высказаться. Теперь слушай. Он подросток, который ничего толком не видел в жизни, – потому ему все интересно. Ты видишь в нем ребенка без капли серьезности. Но когда действительно требуется, Тенрей умеет быть собранным: он невероятно умен, верно оценивает ситуацию и действует без промедления. Ты знаешь, что это правда. А его ребячество, как ты это называешь, – главное его достоинство. Он добрый, справедливый и жизнелюбивый парень. Посмотри, как одной своей улыбкой и открытым сердцем он сплачивает всех вокруг. Не каждому такое под силу. Ты единственный, кто этого не понимает.

– Ты, наверное, хотел сказать: не сплачивает, а собирает вокруг себя неприятности? – с ухмылкой вставил Тайн.

– Я еще не закончил, перестань перебивать. – Мэтра тяжело выдохнул. – Ты упомянул наши извечные драки. А с кем они были? Убийцы, головорезы, мародеры и прочий сброд. Тенрей – настоящий воин: он никогда не поднимет руку на невиновного и никогда не пройдет мимо того, кто попал в беду. Ты говоришь, что все можно решить разговором. Пожалуй, тут я соглашусь: лучше словом, чем кулаками. Но если драка неизбежна? Тогда нужно бить первым, и Тенрей именно это и делал. Поверь, Тайн, если бы он не реагировал на угрозу так быстро, тебя с нами давно бы уже не было.

– Ну да, как же, – усмехнулся Тайн. – И как же он определил, что драки не избежать, если даже не попытался заговорить? Ах да, он же «видит» чужие эмоции… Но знаешь, в чем проблема? Я проверял его глаза. И не один раз. Ничего особенного в них нет. Он хороший психолог, не больше, а история с глазами – способ привлечь к себе внимание, мистификация чистой воды.

Мэтра дослушал, спокойно поднял руку, показав костяшки сжатого кулака, и так же спокойно произнес:

– Даю тебе слово, друг: если ты еще раз меня перебьешь, я вмажу тебе по лицу вот этой вот рукой. Будет не очень больно… наверное… но точно будет неприятно. Не заставляй меня, пожалуйста, этого делать.

Лицо Мэтры оставалось невозмутимым, но именно ров-

ный тон придавал угрозе вес. Тайн понял, что это не пустые слова, и счел за благо отступить.

– Я продолжу, с твоего позволения? – поинтересовался Мэтра.

Аонец молча кивнул.

– Так. Перейдем к главному. – Мэтра опустил кулак. – Ты жалуешься, что не высыпаешься из-за него. А знаешь ли ты, что он сам почти не спит? Все последнее время каждую ночь он стоит над тобой, как стражник, пока спишь ты. И именно он возвращает тебя в реальность. Не из обычных снов, а откуда-то из иного места. Не знаю откуда, но уверен: живым там не место. Пока он справляется, но боюсь, что когда-нибудь его силы иссякнут и он не сможет вытащить тебя из той пучины. Ты считаешь себя его нянькой? На самом деле это Тенрей оберегает тебя. Так что, извини, друг, но это он твоя нянька, а не наоборот.

Тайн хотел было спорить дальше, но после этих слов передумал и только улыбнулся, признавая правду. Он и сам не верил в то, что наговорил. Усталость, тревога перед разговором с отцом, эти непонятные сны – все навалилось разом. Он давно заметил, что день ото дня становится раздражительнее. Но если бы только это… Приступы паранойи, гнетущего страха: резкие звуки пугали без причины, отовсюду мерещилась опасность… А самое жуткое – в свои тридцать шесть лет он стал бояться темноты. Едва день уступал место ночи, его одолевали дрожь и тревога. Он ловил себя на

том, что прислушивается к каждому скрипу переборок, сидит, поджав ноги, лишь бы не касаться черноты под ящиками, дышит через раз, когда гаснет очередная лампа. Он не мог ни есть, ни думать и искал спасения во сне, надеясь, что новый день все закончит. Все это копилось капля за каплей, пока не выплескивалось через край…

«Как же жаль, что сегодня под мою горячую руку попал именно Тенрей», – подумал Тайн.

Он встал, отряхнул мантию, распинал мешавший пройти мусор, протиснулся между двумя пыльными ящиками и вошел в капитанскую рубку.

Вальяжно развалившись в кресле, капитан допивал бутылку любимого виски, оставшуюся с последней остановки; серая борода, густая, как мех, лежала у него на груди. В рубке было тесно и душно; пахло перегаром, горелой проводкой и чем-то кислым, чему Тайн предпочитал не искать названия. Приборная панель, вся в засохших потеках, мигала половиной положенных огоньков, а вторая половина, судя по всему, погасла еще до рождения Тенрея. Сам Тенрей стоял неподалеку и завороженно смотрел в иллюминатор.

Тайн попытался разглядеть через стекло кабины, где они, но оно было так заляпано, что ничего не было видно. Тогда он оперся о спинку капитанского кресла.

– Слушай, старик…

– Не «слушай, старик», а *ка-пи-та-н*, – пробурчал командир судна заплетающимся языком.

– Капитан, – процедил сквозь зубы Тайн. – Долго мы еще будем лететь в этой помойке?

– Не нравится – можешь выходить прямо сейчас. – Капитан махнул бутылкой куда-то за борт.

– Другого ответа я и не ожидал…

Только тут до капитана дошло, как назвали его корабль. Он возмущенно всплеснул руками, бутылка выскользнула и разбилась о стену, брызнув осколками и остатками спиртного. По кабине поплыл запах дешевого пойла, мешаясь с вечным духом грузового отсека.

– И вообще, почему ты называешь мою ласточку помойкой? Меня, конечно, не смущает мусор вокруг, но спешу напомнить: это именно вы решили проделать последнюю часть пути без остановок. А выбросить мусор, летя на полном ходу в межзвездном пространстве, не представляется возможным. Или ты не знал этого?

– Знал, – буркнул Тайн. – И кто вообще принял решение лететь без остановок?

– Я, – твердо ответил Тенрей, не отрываясь от иллюминатора. Сейчас в его лице не было ничего от глупого мальчишки – одна мужественная решимость.

– Почему я узнаю об этом только сейчас? – Тайна возмутило, что в таком важном вопросе его мнения не спросили.

– Потому что космос на тебя плохо действует: ты утрачиваешь способность мыслить рационально. – Тенрей так и не обернулся. – Поэтому я и решил добраться до Аона как мож-

но быстрее. А еще я не хотел слушать твое нытье – потому мы тебе ничего и не сказали. Да и до сегодняшнего дня тебя это не очень-то волновало.

– Я думал, у нас технические проблемы, – пробормотал Тайн.

– Техническая проблема – и мы не обратились к тебе, нашему главному механику? Я же говорю: ты утрачиваешь способность мыслить. Это все, о чем ты хотел поговорить?

– Да…

– Тогда можешь идти. Больше мне тебе сказать нечего.

Конечно, это было не все. Тайн хотел извиниться, но никак не мог подобрать слов. И вдруг вспомнил про подарок, который давно собирался вручить. Порывшись в поясной сумке, аонец достал устройство, похожее на широкий браслет, и одним движением защелкнул его у друга на запястье.

– Что это? – удивленно спросил парень.

– Это коммуникатор, что-то вроде портативного компьютера. Позволяет общаться на огромных расстояниях, считывает твои жизненные показатели…

– Считывает показатели? – Тенрей повертел рукой, разглядывая браслет. – А еще наверняка ты сможешь следить за мной через эту штуку. Верно?

– Ну… Конечно, я смогу узнать твое местоположение, – попытался оправдаться аонец. – Но у меня и мысли не было за тобой следить. А еще… устройство позволяет выходить в сеть!

Тенрей помолчал. Уголок его рта дернулся, но парень сдержался, делая вид, что спокоен.

– То есть в ту самую всемирную сеть, объединяющую триллионы вычислительных машин, вобравшую в себя знания со всех уголков вселенной? Где можно узнать кучу нового? То есть… видосики посмотреть? Книги почитать? Ты ведь про нее говоришь? – глаза Тенрея буквально засияли.

– Да. Про нее, – со спокойной улыбкой ответил Тайн, понимая, что попал в самую точку.

Больше терпеть Тенрей не мог: он подпрыгнул на месте и вцепился в браслет, уже предвкушая «серфинг» в сети.

– Ну вот, Тайн! Оказывается, и ты можешь быть хорошим. А то прикидываешься вечно недовольной вонючкой…

– Ага, сочту за комплимент. – Аонец похлопал друга по плечу и уже собирался уйти, как вдруг краем глаза заметил что-то за иллюминатором. Широкая спина Тенрея закрывала обзор.

– Отойди, – попросил Тайн.

– Тебе же не было никакого дела до того, что творится вокруг? «Не знаю. Не знаю, и все на этом!»

– Отойди, прошу! – Аонец явно был заворожен увиденным.

Тенрей с улыбкой отошел и сел в кресло рядом с капитаном. Он тут же углубился в коммуникатор: над запястьем развернулась голубоватая проекция, и все остальное для него перестало существовать. Чего нельзя было сказать об

аонце: у того отвисла челюсть. Широко раскрыв глаза, он всматривался в то, что выплывало навстречу кораблю.

Полнеба за стеклом занимало сооружение, которому нечего было делать в пустоте. Кольцо из металла и света, такое огромное, что края его терялись во мраке. По ободу тянулись ярусы доков, возле них, будто мошкара у фонаря, вились грузовые баржи, а дальше вглубь уходили ряды огней – ровных, спокойных, горящих так, как горит лишь то, что строилось на века.

– Немыслимо, – произнес инженер полушепотом. – Только не говори мне, что это…

– Это Аорин, – объяснил капитан. – Центр мировой торговли, призванный показать всей вселенной экономическую мощь Аонской империи. Он так велик, что станцию всерьез называют третьим спутником планеты. Второго такого нет и вряд ли когда-нибудь появится.

– Да я не об этом, старик, а о том, что его просто не могли построить так быстро. Черт возьми, да тут нужно колоссальное количество ресурсов! А проектирование? А логистика? Проект такого масштаба занял бы по меньшей мере сорок лет!

Капитан, бурча себе под нос, принялся перебирать в голове события истории.

– Так-то примерно столько его и строили, – наконец вспомнил он. – А что не так?

– А то, – губы Тайна дернулись в кривой улыбке, похожей

на нервный тик, – что я был на Аоне всего двадцать один год назад, и тогда станция была лишь на стадии проекта.

– Может, ты ошибся?

– Я был одним из тех, кто проектировал Аорин. Я не могу ошибиться.

Капитан задумался. Огни доков за иллюминатором медленно плыли мимо.

– Может, забыл что-то?

– Ну конечно, – съязвил аонец, но тут же замер. Верить в это не хотелось, однако единственное логичное объяснение было именно таким: он действительно забыл часть истории.

Воцарилась тишина. И в этой тишине Тайну вдруг вспомнились пьяные байки капитана, которые он столько лет пропускал мимо ушей.

– Слушай, – наконец выдавил из себя Тайн, – а о какой, черт побери, световой войне ты как-то рассказывал?

– Правда? – удивился капитан. – Не помню такого.

– Вот и никто другой не помнит, потому я и счел твои рассказы бреднями алкаша. Но после сегодняшнего дня я уже ни в чем не уверен. Поэтому, пожалуйста, расскажи сейчас то, что говорил раньше.

Капитан полез в самые глубокие подкорки памяти. Давалось это ему тяжело: щеки надулись, как у жабы, лицо побагровело, – а потом он смачно отрыгнул и беззаботно развалился в кресле, кажется, напрочь забыв, о чем собирался вспомнить.

– Ну и? – не выдержал аонец.

– Что «и»?

– Рассказывай о войне.

– Какой войне?

Где-то в голове Тайна от раздражения отмерла очередная порция нервных клеток. Он закрыл глаза и стиснул зубы.

«Главное дышать ровно, – подумал он. – Скоро все закончится».

Оглядевшись, аонец заметил у стены лишь осколки бутылки из-под любимого виски капитана. Обшарив кабину, он полез под приборную панель и в кромешной темноте стал искать наугад: пальцы натыкались то на холодные жгуты проводов, то на что-то липкое, о природе чего думать не хотелось, то на окаменевшую корку хлеба. Наконец старания принесли плоды.

«Кто бы сомневался», – подумал Тайн, вытаскивая руку из-под панели.

Находкой оказалась бутылка без этикеток и маркировок, с жидкостью едко-синего цвета. Он выдернул тугую пробку, и наружу вырвался резкий химический дух – так пахнет в цеху, где травят металл. Было ясно и без принюхивания: в бутылке не алкоголь, а какой-то опасный химикат. Он протянул бутылку капитану.

– Пей.

– Ты что, совсем сдурел? Это же гидролиз, я им стекла и приборную панель протираю.

– Ну да, как же! Протирает он… Кому-нибудь другому расскажи, а сейчас – пей.

– Нет, ну-у… – Капитан покосился на бутылку. – Конечно, в составе есть алкоголь, но все же лучше не пить это…

– Пей-пей, – настаивал аонец. – Тебе надо освежиться. По-другому ты, к сожалению, не умеешь.

Капитан нехотя взял бутылку, покрутил ее в руках, выдохнул и осушил в два глотка. Синяя струйка поползла из уголка рта в бороду, но он даже не поморщился. Хорошенько отрыгнув, он бросил бутылку за спину – та звякнула о битое стекло. Щеки капитана порозовели, на лице воссияла довольная улыбка. Он снова был в привычном состоянии.

– На че-ем мы остано-овились?

– Вселенская война, – напомнил Тайн.

– Велика-ая световая война на-ачалась несколькоо-о столетий назад. Пя-ять могуществен-н-нейших империй сошлись в кровопр-ролитной битве, на кону кото-о-орой стояла жизнь во вселен-н-ной.

– Это все? – удивленно приподнял брови аонец.

– А что-о ты хоч-чешь еще услы-ы-ышать?

– Причина? Чем закончилась? Каковы последствия? Почему, кроме тебя, никто не помнит? – затараторил Тайн, пытаясь вытянуть хоть крупицу сведений.

– Ты з-задаешь слишком мно-о-ого вопросов, мой желтогла-азый друу-уу-ууг, – закончил капитан, воткнувшись головой в приборную панель.

– Эй, деда? – толкнул его в бок Тенрей. – Ты там как?

– Во-о-ойна не закончила-а… – такими были последние слова капитана, прежде чем он окончательно отрубился.

Тайн, оглушенный услышанным, привалился спиной к стене, пытаясь все осознать. Сердце ухнуло вниз. Происходящее не поддавалось логике. Его снова накрыло то паническое, беспомощное чувство – совершенно физически: желудок скручивало все сильнее, а в ушах нарастал тонкий звон, будто кто-то держал рядом камертон и не давал ему стихнуть…

«Великая война пяти империй, о которой никто не помнит, – потому что кто-то или что-то заставил всех о ней забыть». Аонец понимал, как бредово это звучит, но другой версии у него не было. Он медленно сполз по стене на пол и просидел так несколько минут, уставившись в одну точку.

– Слушай, капитан, – спросил он наконец, – а какой сейчас год?

Ответа не последовало.

– Эй? Старик, ты меня слышишь вообще?

Снова тишина.

– Он что, уснул? – Тайн поднял глаза на Тенрея.

– Нет, – безучастно ответил Тенрей, продолжая читать статьи в коммуникаторе. – Просто помер.

– Смешно, – ухмыльнулся Тайн, полагая, что это очередная шутка.

– Не думал, что тебя забавляет чужая смерть, – в голосе

парня слышался упрек.

Тайн подошел к капитану. Тот лежал, уткнувшись лицом в приборную панель, и по ней медленно стекали сине-зеленые слюни. Глаза были открыты, зрачки закатились. Тайна пробрала дрожь. Он потряс капитана раз, другой – тот не подавал признаков жизни.

– Что случилось? – Аонец был в замешательстве.

Тенрей оторвался от коммуникатора и посмотрел на Тайна с глубоким разочарованием.

– Правда? Ты серьезно? Что случилось? Ты ведь сам его отравил пару минут назад, – он указал рукой на пустую бутылку из-под едкого химиката.

– Да он ведь постоянно пил всякую дрянь! И ничего же не случалось!

– Вот и подумай, почему деда пил все подряд, а как взял бутылку из рук аонца – сразу окочурился? Жуткий вы народец, однако.

Волнение Тайна росло с каждой секундой, во рту пересохло – еще немного, и начнется паника.

– А… А ты почему такой спокойный?

– Разве есть повод волноваться? – невозмутимо ответил Тенрей.

– Есть. И очень большой повод. Кто посадит корабль? Я же не справлюсь с этим ведром!

– О чем ты думал раньше, когда травил капитана?

– Да… я… же… – пытался подобрать слова Тайн. – Я не

думал, что так выйдет.

– А надо было. Ты говорил мне, что аонцы – умнейшая нация во вселенной, но, видимо, к тебе это не относится. Ты утратил способность мыслить рационально, но с этим мы разберемся позже. – Он хлопнул друга по плечу. – А пока наслаждайся посадкой. Тут наверняка есть автопилот.

– Ты в этом уверен?

Тенрей широко улыбнулся.

– Нет, не уверен.

На мгновение в кабине стало тихо, как в склепе, а затем корабль вошел в плотные слои атмосферы. Трение о воздушную толщу отдавалось в ушах тяжелым гулом. Обшивка раскалилась, духота едва давала дышать, металл переборок жег сквозь рукав. Послышался треск, скрежет. Все вокруг задрожало и загрохотало. По грузовому отсеку покатились пустые ящики и клетки. Животные проснулись и в ужасе заорали. Довершали это безумие истошные вопли Тайна, пытавшегося ухватиться хоть за что-нибудь. А Тенрей спокойно сидел в кресле, закинув руки за голову и положив ноги на приборную панель.

За иллюминатором не осталось ни звезд, ни станции – одно бешеное оранжевое пламя, обтекавшее корпус, будто вода камень. Где-то над головой лопнула лампа, и в свете, оставшемся от горящего снаружи воздуха, все в кабине сделалось красным: панель, осколки на полу, борода капитана, безмятежное лицо Тенрея.

– Черт! Ты что, совсем бесстрашный? – выкрикнул аонец, вцепившись в какую-то балку внутренней стены корпуса.

– Я тебе много раз говорил, что страх – это всего лишь плод твоего воображения. Ты забыл?

– Нет! Нет, не забыл, да и… вообще, при чем здесь это? – Тайн хватался то за балки, то за ящики.

– При том. Прижмись уже куда-нибудь и начни наслаждаться последними минутами нашего путешествия. Ну или можешь привязать себя, если тебе так будет легче.

– Точно… привязать, – согласился Тайн. Он достал из поясной сумки кусок веревки и всерьез принялся приматывать себя к потрепанному капитанскому креслу.

Наблюдая за этим, Тенрей хихикнул, пригнулся, достал из-под панели небольшую старую подушку и протянул ее Тайну.

– Это еще зачем?

– Да будет тебе известно, что веревка работает только вместе с подушкой. По отдельности от них толку нет, – голос парня был абсолютно серьезен.

– Ага, спасибо, – кивнул аонец. Он сгруппировался, прижав подушку и колени к груди, закрыл глаза и приготовился к удару. Но удара не последовало. За бортом замелькали очертания исполинских сооружений – башни, мосты, ярусы, уходящие вниз, за облака; двигатели сбавили тягу, дребезжание стихло, и корабль благополучно приземлился на Атилоне, столице государства Аон.

Глава третья

«Дом, милый дом»

Грузовая аппарель открывалась медленно. Несмазанные детали скребли друг о друга со скрипом, похожим на предсмертный стон; где-то в глубине задребезжало. В щель над краем аппарели било утреннее солнце, и в его полосе клубилась трюмная пыль. Механизм еще какое-то время продолжал свою измученную работу, пока окончательно не заклинил на полпути.

– По всей видимости, сам корабль не хочет нас отпускать, – усмехнулся Мэтра.

– Ну уж нет, я больше этого не вынесу! – вскрикнул Тайн.

Он схватил с пола кусок ржавой трубы и со всей злости ударил по механизму двери. Заискрило, задымилось, мелкие детали брызнули в стороны. Где-то внутри глухо стукнуло, будто старое железо наконец сдалось. Цепь обмякла, и аппарель рухнула на площадку с таким грохотом, что дрогнул пол, – возвестив об окончании долгого пути.

Пассажиры вышли. Тайн с облегчением ощутил под ногами твердую поверхность. Воздух был чистый и прохладный, без привычной примеси машинного масла, ржавчины и перегара, и от одного этого слегка кружилась голова. Солнечный

свет, отраженный тысячами граней, лился отовсюду сразу – мягкий, без единой резкой тени. Теплых чувств при мысли о возвращении на родину Тайн не испытывал, но, неожиданно для себя, был рад оказаться здесь. Атилон, столица империи Аон, был городом будущего, городом-мечтой, ничем не похожим на места, где они бывали раньше. Он вобрал в себя знания и культуру со всех уголков вселенной и сделался домом для всех, кто хотел стать его частью и чем-то большим: подход столицы к жизни, образованию и технологиям вкупе с мощью станции Аорин позволял любому добиться своего.

Город рос не только вширь, но и ввысь, и предела этому росту, казалось, не было. Башни-шпили, соединенные парящими мостами, пронзали небеса, а вдоль их граней вверх и вниз скользили кабины магнитных лифтов, как капли по стеклу. Даже отсюда, с площадки космопорта, было видно, как по мостам тянутся вереницы прохожих – крошечных, будто муравьи на ветвях исполинского дерева. Мосты были полноценными улицами с домами, общественными зданиями и зонами отдыха и, словно кровеносные сосуды, пронизывали все уровни плотнейшей застройки. Город жил в воздухе. Делился он не на наземные округа, как принято, а на три яруса – от самой земли до заоблачных вершин.

Третий ярус, под самыми облаками, принадлежал высшим чинам и знатным аонцам: воздушный город с виллами, садами и озерами на рукотворных островах, повисших над бездной. Второй отвели состоятельным гражданам, в большин-

стве своем тоже аонцам, – застройка там была скромной, но опрятной. И наконец первый – для всех остальных, невысоко над землей: обычные блочные дома, зато с обилием техники попроще – от сенсорных вендинговых аппаратов до интерактивной рекламы дешевого фастфуда. Настоящий «high tech, low life».

К удивлению Тайна, приземлились они не на «дно», а на третий ярус, в один из лучших космопортов империи. Жизнь в нем не останавливалась ни на секунду. Словно пчелы в улье, сотни рабочих и роботов-погрузчиков разгружали и загружали трюмы кораблей, садившихся едва ли не ежеминутно; гул двигателей, лязг захватов и короткие сигналы погрузчиков сливались в ровный, никогда не стихающий шум. Пахло горячим металлом, озоном и чем-то приторно-сладким – не то топливом, не то пролитым сиропом. Каждый метр был на вес золота, и помеченные кодами контейнеры громоздились высоченными башнями, а роботы ловко переставляли их с места на место.

Когда-то это был парадный порт для знатных гостей Аона, а теперь на каждом судне и контейнере красовался логотип Торговой Федерации – организации, чье влияние давно охватило всю вселенную. Едва ли нашелся бы рынок, даже в самой захудалой стране, без товаров с ее маркировкой. Теперь и этот порт принадлежал ей.

Город миллионов огней и голографических вывесок, всемирной торговли и невероятных технологий поражал в са-

мое сердце. Летающие машины текли между башнями слоями, как течения в реке, и каким-то чудом не сталкивались. Ниже, в просветах между мостами, город уходил вглубь – ярус за ярусом, все плотнее и темнее, пока не терялся в сизой дымке, где, должно быть, и лежало то самое «дно». Тенрей любовался им с открытым ртом и, кажется, впервые в жизни не задавал вопросов. Ничего даже отдаленно похожего он не видел никогда. Вот он, мир из рассказов Тайна!

Мэтра по сложившейся традиции молча принялся вытаскивать из грязного трюма клетки с животными – тяжелые, накрытые плотной тканью, из-под которой доносилось глухое ворчание. Вокруг сновали роботы-грузчики, мерцая диодами сканеров. Один подкатил к самой аппарели, обвел клетки красным лучом, пискнул и, не найдя ни кода, ни маркировки, покатил дальше. Городские красоты почему-то не вызывали у Мэтры того трепета, которому поддался Тенрей.

– Мы живы! – Тайн ликовал всем сердцем. – Это невероятно! Но… как нам удалось приземлиться?

– Так ведь автопилот был включен, – ответил Тенрей. – Я говорил тебе об этом. Услышал бы, не бейся ты в истерике.

– Ты сказал, что не был уверен в том, что он включен.

Тенрей изобразил глубокую задумчивость.

– Не понимаю, о чем ты.

В этот момент над головой Тайна прожужжал один из рекламных дронов, голограммой советуя посетителям космопорта купить какую-то популярную здесь газировку.

– Проехали, – буркнул аонец.

Он огляделся в поисках императорского дворца, видного из любой точки города. Искать долго не пришлось. Издали дворец напоминал рукотворную гору: множество корпусов, сплетенных коридорами, подвесными мостами и воздушными садами, поднималось пиком в небо и заслоняло полнеба. Белый камень стен ловил солнце, так что смотреть было почти больно, а золотая отделка горела, точно раскаленная. Самое роскошное и технологически сложное сооружение планеты, когда-то, до постройки Аорина, дворец был символом могущества правящей династии. Тайн смотрел на него ровно столько, сколько потребовалось, чтобы прикинуть дорогу, – и ни секундой дольше.

– Ты бы лучше другу помог, – упрекнул аонец Тенрея.

– Обязательно, – ответил парень, не отрываясь от видов. – А ты бы лучше штаны сменил. Похоже, ты обмочился со страху.

– Это слюни капитана… – зло прошипел Тайн, отряхивая штаны. – Все. Мне пора.

– Постой, – остановил его Тенрей. – Снимай мантию.

– Это еще зачем?

– Мы, конечно, нищие. Но не свиньи же, в конце концов? – Парень наконец оторвался от видов. – Да и ты идешь на встречу с самим *императором*, как-никак.

Тайн тяжело вздохнул и, не споря, стянул с себя мантию – старую, потертую, за три года насквозь пропахшую трюмом,

– и нервным движением бросил ее рядом.

– Доволен?

Тенрей подошел к нему, достал из внутреннего кармана плаща матерчатый сверток и протянул аонцу.

– Это твоя новая мантия, – произнес парень, не опуская руки.

Аонец молча смотрел на сверток. Помедлив, он осторожно, будто боясь повредить, взял его – и не спешил разворачивать.

– Бери, говорю, это подарок. Она удобная, и размер твой. Да и вообще, я целую кучу времени потратил, чтобы ее найти. Поэтому даже не вздумай мне отказать! А старую отдадим зверям – им запах родной.

– Спасибо, – кротко ответил Тайн.

Наконец он развернул сверток. Это действительно была новая мантия, куда лучше прежней. Тайн надел ее: мягкая, из великолепной ткани, с золотой вышивкой, она сидела идеально – будто и вправду шилась на него.

Тенрей отступил на шаг и смерил друга взглядом.

– Теперь доволен! – торжественно произнес он.

Как бы они ни хорохорились, этот момент оба встретили с тоской. Ветер, гулявший на высоте, трепал полы новой мантии; далеко внизу ровно гудел город.

– Здесь наши пути расходятся. Настало время прощаться, – сказал аонец, откашлявшись. – Знаешь… хочу, чтобы ты знал… несмотря на то, что ты постоянно изводил меня, я

все-таки был рад провести это время с тобой, друг.

– Так все-таки мы друзья?

– Ты же знаешь, что да, – с трудом произнес Тайн. Глаза его повлажнели, и он быстро смахнул капли с ресниц, чтобы Тенрей не заметил. Только парень и так видел чувства друга насквозь.

– Я загрузил в твой коммуникатор все известные карты космического пространства и городов, – продолжил Тайн, справившись с голосом. – Денег, которые обещал дать капитан за работу, вам с Факиром с лихвой хватит на обратную дорогу. Останавливайтесь только в приличных местах и, умоляю, перестаньте драться.

Тенрей улыбнулся – широко, по-мальчишески, как умел только он.

– По поводу последнего обещать не могу, ты же знаешь.

– Ну да, – улыбнулся в ответ аонец. – Уверен, вдвоем вы справитесь со всем. – Ком подкатил к горлу; он отвернулся к городу, будто разглядывая что-то вдалеке, и, помолчав, продолжил: – А еще, если тебе когда-нибудь будет одиноко или грустно, ты всегда сможешь позвонить мне.

– Я рад это слышать, Тайн, – сказал парень. Он уже хотел протянуть руку для последнего рукопожатия, но вдруг осекся, словно увидел или почувствовал что-то, и лицо его изменилось. Привычное веселье испарилось, взгляд стал холодным и вкрадчивым. – Ты уж прости, мне правда неловко прерывать такой трогательный момент, но я решил немного

скорректировать твои планы.

– О чем это ты? – с подозрением спросил аонец.

– О том, что через три часа мы с тобой встретимся, но уже в другом месте. – Тенрей достал коммуникатор и переслал ему координаты. Они указывали на закрытую подготовительную площадку, которой только предстояло стать космопортом, и Тайн недоуменно нахмурился.

– Почему именно это место? Там ведь нет ничего?

– Потому что я так сказал? Разве не весомый аргумент?

Аонец задумался. В обычной ситуации он засыпал бы друга вопросами, но сегодня решил промолчать и согласился.

– Это еще не все. В течение этих трех часов тебе придет сообщение от меня. Если этого не произойдет, ты, не теряя ни секунды, садишься на первый попавшийся корабль и летишь к Волорину. Это ясно?

– Ладно, – буркнул Тайн.

Все это было так сумбурно, что напоминало аферу. Но такое выражение лица Тайн видел у Тенрея нечасто, и оно говорило: спорить не стоит. Значит, это действительно было необходимо.

– Раз ты все запомнил, – на лицо парня вернулась ехидная улыбка, – тогда счастливого пути. Передавай привет папуле.

Тайн развернулся и, бурча что-то себе под нос, пошел к лестнице, ведущей с площадки к выходу. Вокруг мерцали голограммы, жужжали дроны; робот-погрузчик вывернул из-за штабеля и, мигнув сканером, уступил дорогу. Голографи-

ческая официантка, улыбаясь всем сразу и никому в отдельности, зазывала в какое-то питейное заведение. Город жил своей жизнью, но аонец ничего этого не замечал. Со странной медлительностью он взялся за поручень и вдруг обернулся. Нет, он не был зол или расстроен – наоборот, на его лице сияла улыбка.

– Я-то передам привет папуле, – произнес он, торжествуя маленькую победу. – А ты передавай привет сотрудникам пограничной службы, которые будут здесь с минуты на минуту. Не забудь показать им свои документы, которых нет. А еще им будет очень интересно послушать историю про мертвого капитана на борту.

– А как же… твои документы?

– Так вот они, – он указал рукой на свои золотые глаза и белую кожу. – Ни у кого в мире, кроме аонцев, такого быть не может. Запомни: это мой город, других документов мне не требуется, чего нельзя сказать о вас. Кстати, а вот и сотрудники поднимаются. Развлекайтесь, ребята.

– Я скажу им, что это ты завалил старика! – прокричал ему вслед Тенрей.

– Ага… удачи, – махнул на прощание аонец. – Не скучайте.

Совесть Тайна была чиста: перед уходом он видел, как капитан приходит в себя после обморока от крепости выпитого. Так что старику и обоим друзьям грозил разве что крупный штраф за отсутствие документов и пожизненный запрет

на посещение Аона. Космопорт аонец покинул быстро, не оглядываясь, и лишь у самого выхода поймал себя на том, что все еще улыбается.

Тенрей проводил друга взглядом и задумался. Мэтра, все это время выгружавший клетки с животными, услышал последние слова разговора и подошел.

– Так капитан ведь жив, – сказал он.

– Да знаю я.

– О чем тогда задумался?

– Думаю, что с этим делать, – он кивком указал на приближающихся к ним офицеров.

Их было двое. Высокие, с осанкой, будто выверенной по линейке, и золотыми глазами, в которых не читалось ровным счетом ничего. Небесно-голубая форма без единой складки, золотые погоны, береты с эмблемой пограничной службы, планшеты в руках, пистолеты на поясе. Шли они в ногу, словно шаг им отмерял один и тот же прибор. Рабочие расступались, не поднимая глаз, и даже роботы будто притормаживали, пропуская голубую форму.

– Я так полагаю, это залет? – спросил Мэтра.

– Похоже на то.

– Взятка?

– Взятка? – Тенрей удивленно уставился на друга. – Чем? Мы же нищеброды. Или ты забыл?

Тем временем сотрудники подошли. Вблизи они оказались еще выше и стояли так близко друг к другу, что каза-

лись отражениями. На нагрудных карманах у обоих замигали диоды.

– Добрый день, – сказал один из них твердо и спокойно. – Приветствуем вас на Атилоне.

– Добрый день, офицеры, – с присущей ему улыбкой ответил Тенрей.

– Здравствуйте, – добавил Мэтра.

– Цель вашего визита на планету? – спросил сотрудник. Голос его не выражал никаких эмоций.

– Так ведь… грузовой терминал, – улыбка на лице Тенрея стала шире. – Стало быть, торговля.

– Да… да! Торговля! – подхватил Мэтра. Он изрядно нервничал и для опытного глаза пограничников выглядел крайне подозрительно: переминался с ноги на ногу и то и дело косился на клетки.

– Свали уже отсюда, конспиратор хренов, – тихо пробурчал Тенрей в адрес Мэтры.

Тот не стал задавать лишних вопросов, отошел к клеткам и принялся изображать, будто что-то в них чинит.

– Запрещенные к ввозу товары имеются? – продолжил офицер неизменным тоном.

– Нет, – ответил Тенрей.

– Незарегистрированное оружие?

– Откуда? – Тенрей похлопал себя по карманам. – Мы же торговцы.

Сотрудник, ведущий опрос, оторвался от планшета, в ко-

тором делал пометки, и посмотрел Тенрею прямо в глаза.

– Я повторюсь. Есть ли на судне незарегистрированное оружие?

– Нет, – ответил парень.

– Наркотические или психотропные средства?

– Нет.

– Редкие или вымирающие животные, запрещенные международной конвенцией к продаже и транспортировке?

– Не-е-е-ет, – протянул Тенрей, и тут же из одной из клеток позади него раздался звериный рев – низкий, утробный, так что дрогнула ткань на клетке.

– А это что? – спросил второй офицер, указав на клетку, накрытую плотной непроницаемой тканью.

– Так это наш капитан проснулся, – не думая, ответил парень. Он улыбался, только вот ему явно было не до смеха.

– Почему ваш капитан в клетке?

– С утра он чересчур буйный, – парень сочувственно развел руками, – потому приходится держать его подальше от всех. Так сказать, для безопасности.

Из клетки послышался очередной вопль.

– Ваш капитан зверь?

– А разве это запрещено?

Сотрудник сделал пометку в планшете.

– Предъявите документы на ввозимый груз, – офицер указал рукой на клетки.

– Так зачем документы? Там же, кроме капитана, ничего

нет.

Сотрудник молча выслушивал весь этот бред. Ни один мускул на его лице не дрогнул, а золотые глаза не моргнули ни разу – Тенрей специально следил.

«Вот это выдержка! Теперь понятно, кто такие настоящие аонцы, – подумал Тенрей, ясно видя, что пограничник спокоен не только лицом, но и душой. – Ха… Не то что истеричка Тайн».

– Предъявите ваши документы, удостоверяющие личность.

Тенрей понимал, что ситуация патовая и надо срочно что-то придумать. Он подался вперед.

– Взятку возьмете? – полушепотом произнес парень.

Сотрудники молча переглянулись, а Тенрей заулыбался, как нашкодивший подросток. Он и сам знал, какую глупость только что сморозил. Где-то за спиной равнодушно пискнул сканер робота-грузчика. Но пути назад уже не было, и он решил играть абсурд до конца.

– Денег у нас, к сожалению, нет, – продолжил парень, указав рукой на Мэтру. – Но вот он может отработать своим телом. Посмотрите, какой он красивый. Соглашайтесь, не пожалеете.

Мэтра – без малого два метра ростом, белые с голубым отливом волосы, ладони в трюмной грязи – чуть не поперхнулся и негодующе уставился на друга. Тот лишь пожал плечами – мол, я хоть как-то пытаюсь выкрутиться.

Оба захихикали – самым глупым смехом, отчего походили уже не на торговцев, а на двух умственно отсталых контрабандистов. В практике офицеров, впрочем, встречались и такие.

Сотрудники, не говоря ни слова и не меняясь в лице, убрали планшеты в нагрудные карманы, достали пистолеты и синхронно, одним движением, направили их друзьям в головы. Черные зрачки стволов смотрели не мигая – точь-в-точь как их хозяева. Похоже, шутка не удалась.

– Вы чего, ребят, я же пошутил, – попытался оправдаться Тенрей и поднял руки, показывая открытые ладони. Ситуация была хуже некуда, но улыбка с его лица так и не сошла – разве что стала напряженнее. Краем глаза он следил за пальцем офицера на спусковом крючке и прикидывал, успеет ли заслонить друга. Мэтра тоже поднял руки.

– Именем императора вы задержаны за незаконный въезд на территорию империи Аон, а также за попытку подкупа представителей власти, – сказал офицер спокойным, совершенно не подходящим к ситуации тоном.

– Также вам будут предъявлены обвинения в попытке ввоза животных без соответствующих документов, – добавил второй сотрудник.

– Вы имеете право хранить молчание, – произнесли они оба, – каждое сказанное вами слово записывается и может быть использовано против вас в суде.

Сказали они это так слаженно, что Тенрей не сдержался.

– Слушайте, а вы, случаем, не из Бойз Бенда? – ляпнул он. – Ни разу не слышал, чтобы так синхронно разговаривали. Может, ну ее, эту пограничную службу, давайте лучше свою группу организуем? Мы с Факиром, – парень мотнул головой в сторону друга, – будем на подтанцовке. Заработаем кучу денег, что скажете?

Ответом стал сухой двойной щелчок предохранителей.

– Лицом вниз. Руки за голову. Медленно, ладонями ко мне, – тон офицеров изменился, стал повелительным, но лица их оставались все такими же спокойными. Ложиться, впрочем, никто не спешил.

– Последние слова точно были лишними… – прошептал Мэтра.

– Да неужели? – ухмыльнулся Тенрей. – И как ты это определил?

– Тогда резервный план?

– Это еще какой?

– Факирский удар?

– Совсем сдурел, что ли? – Тенрей в ужасе уставился на него. – Никаких Факирских ударов! Мы же договаривались: использовать это только в крайних случаях.

– А сейчас разве не крайний?

– Ну… и да, и нет, – замялся парень. – Но все равно обойдемся без этого. Космопорт жалко.

– Уберите оружие, офицеры! – раздался позади знакомый голос. Горе-контрабандисты хотели обернуться, но стволы,

направленные им в головы, ясно давали понять, что делать этого не следует. Голос они узнали – и все же он звучал как-то не так. Слишком ровный. Слишком трезвый.

– А вы кто такой? – обратился к незнакомцу один из сотрудников.

– Я капитан этого судна, – ответил тот. – По мне разве не видно?

Выглядел он совсем не как обычно. Костюм, пошитый точно по коренастой фигуре, сидел как влитой; длинная серая борода расчесана волосок к волоску; ботинки начищены до блеска, на груди эмблема Торговой Федерации. Даже стоял он иначе – прямо, расправив плечи, и все свои полтора метра нес с достоинством имперского сановника. Узнать в этом достопочтенном гражданине вчерашнего пьяницу было решительно невозможно.

Он подошел к офицерам и коснулся своего коммуникатора.

– Вот мои документы и документы, позволяющие провозить животных на моем борту.

Пограничник убрал пистолет в кобуру и достал планшет: документы капитана вместе с документами на груз уже были там. Офицер начал их изучать. Второй продолжал держать Мэтру и Тенрея под прицелом.

– Все в порядке? – спросил капитан.

– Похоже на то, – сотрудник повернулся к напарнику. – Опусти оружие.

Второй офицер убрал пистолет, но Мэтра и Тенрей так и стояли с поднятыми руками в полной растерянности. Увидеть своего капитана-выпивоху таким они никак не ожидали. Мэтра застыл с приоткрытым ртом, а Тенрей, привыкший видеть людей насквозь, впервые за долгое время выглядел по-настоящему озадаченным.

– Сюда идите, придурки, – капитан поманил их жестом.

Они подошли, и он отвесил каждому по хорошей затрещине – звонкой, от души.

– За работу! – рявкнул он. – Вы уже давно должны были закончить выгрузку! Придурки!

Кивнув, они побежали выгружать оставшиеся клетки – кажется, впервые молча.

– Могу я задать вам несколько вопросов? – Офицер поставил на документы цифровую печать пограничного контроля и вернул их на коммуникатор капитана.

– Да, конечно, – ответил капитан.

– Почему вы решили привезти животных в столицу? Для торговцев вашего уровня специально построен Аорин.

– Эти животные чрезвычайно редки и плохо переносят пребывание в открытом космосе. А самое главное – они не товар и нужны для других целей.

– Могу я узнать, для каких? – офицер смерил взглядом капитана, а затем и его корабль – ржавый, выгоревший, с затертым рисунком на борту.

– Нет. Не можете. В подлинности документов у вас не

должно быть сомнений, а изучая мое личное дело, вы наверняка заметили печать и подпись визирующего?

– Заметил, – подтвердил офицер.

– Тогда мне непонятна ваша бестактность, – сурово ответил капитан.

– Прошу прощения за нашу чрезмерную бдительность, – подключился второй офицер, также изучив в своем планшете дело и документы капитана. – Будем вам очень признательны, если о данном инциденте вы не станете писать рапорт.

– Не переживайте. Инцидент останется между нами. Я понимаю. Это ваша работа, и вы ответственные сотрудники, раз осмелились на подобного рода вопрос.

– Мы вам очень признательны, – офицер кивнул в знак уважения и продолжил: – А как же быть с документами этих двоих? – Он указал на Тенрея и Мэтру.

Капитан сунул руку во внутренний карман пиджака, достал две электронные карточки и отдал их офицеру.

– Вот документы. Правда, они еще не активированы… но вы с легкостью сможете убедиться в их подлинности.

Пограничник приложил карточки к планшету. Сканер считал их и окрасился в зеленый – документы были подлинными. Офицер принялся изучать личные дела.

– Да уж, – недоуменно подытожил он и вернул карточки капитану. – В любом случае все в полном порядке. Добро пожаловать на Аон.

Оба офицера поклонились.

– Могу я задать вам последний вопрос?

– Да, конечно, – согласился капитан.

– Все документы в порядке, зачем тогда эти двое предлагали нам взятку?

– Так они же умственно отсталые, у них задержка развития. Ну, болезнь такая, в детстве начинается. Особенно этот, – он указал на Тенрея. – Посмотрите на его лицо, там же все написано.

Офицер мельком взглянул – как раз когда расслабившиеся друзья корчили друг другу рожи, пародируя серьезного капитана.

– Действительно странные ребята, – согласился пограничник. – Не буду вас дольше задерживать. Хорошего дня и спасибо, что выбрали империю Аон.

– И вам спасибо, офицеры.

Поклонившись, пограничники выверенным шагом направились к другому прибывшему судну – по-прежнему в ногу. Капитан дождался, пока они отойдут подальше, и подошел к Мэтре и Тенрею, как раз закончившим выгрузку.

– Вы что тут, мать вашу, устроили?

– А что не так? – улыбнулся Тенрей. – Ты дрых, документов у нас нет. Я импровизировал как мог. Что еще оставалось делать?

– Импровизировал? – Голос капитана сорвался на крик. – Дать взятку – это, по-твоему, хорошая импровизация? Ты

совсем идиот, что ли?

– Нет. Я умный, – возразил парень все с той же улыбкой. – И вообще, насчет взятки – это была шутка. Откуда я мог знать, что все так получится с этими аонцами? Посмотри на Тайна – истеричка. А эти вообще какие-то биороботы оказались.

– Они все такие… – капитан немного остыл. – Это ваш Тайн просто недоделанный или бракованный, уж не знаю. С аонцами шутки плохи: они могли и застрелить вас без всякого сожаления.

– Да ну, брось, – безмятежно махнул рукой Тенрей. – Мы бы выкрутились, как и всегда.

– Знаю я ваше «как и всегда». И вообще, как тебе такое в голову пришло? Я же говорил, что документы в порядке.

– Деда, ты много чего говорил, – хихикнул парень. – Но не все из сказанного оказалось правдой.

Капитан побагровел. Могучие брови наехали на глаза, борода встопорщилась.

– Ты за кого меня держишь?

– За пьяницу? – улыбнулся Тенрей.

Едва он это сказал, как получил очередную затрещину – такую, что в ушах зазвенело.

– Играться со мной вздумал, шкет?

– Да я же просто пошутил, деда.

– Я тебе не деда, а капитан – представитель Торговой Федерации! – взревел он.

– Да понял я, понял, ка-апита-а-ан, – последнее слово парень намеренно исковеркал.

– Вы все выгрузили? – спросил капитан, оглянувшись на корабль.

– Да, – ответил Мэтра. – Осталось только прибраться в трюме, и готово.

– Это лишнее.

Капитан подошел к клеткам, проверил животных и крепления, затем вернулся и протянул им те самые две пластиковые карточки.

– Это что? – удивился Тенрей.

– Документы, удостоверяющие вашу личность. Поднеси их к своему коммуникатору: он считает содержимое и запомнит, а иначе потеряете. Или, того хуже, сожжете, – он искоса взглянул на Мэтру.

Мэтра взял их и попытался убрать, но Тенрей остановил его.

– Спасибо, конечно, тебе, деда, но мы с тобой о другом договаривались. Нам нужны деньги на обратную дорогу, а не документы.

– Что-о-о? – Капитан нахмурился. – Не нужны документы? Да без них вы в жизни не доберетесь до Ванкилы! Единственные, кто согласится вас принять, – это контрабандисты, которые рано или поздно вас прикончат. Тебя-то с твоим языком так точно.

– За это не волнуйся – справимся, как и всегда.

– Опять твое «как и всегда», – буркнул капитан. – Да ты хоть знаешь, сколько стоят эти документы и сколько связей мне пришлось подключить, чтобы их достать?

– Нет, не знаю. Зато знаю, что у нас был уговор, а свое слово нужно держать.

Капитан насупился еще сильнее, голос его стал тверже камня.

– А ты, можно подумать, всегда держишь слово?

– Всегда, – подтвердил парень. – И хочу, чтобы ты поступил так же.

Капитан размахнулся от плеча и что было силы ударил Тенрея по лицу. Голову парня мотнуло в сторону, на скуле проступило красное пятно. Но тот лишь улыбнулся – и немедленно получил второй удар, не слабее первого. Звук вышел глухой и влажный, как шлепок по мокрой доске; двое рабочих у соседнего штабеля обернулись – и тут же вернулись к своим контейнерам: чужие разборки в этом порту никого не касались.

– Вымогатель несчастный! Я вам жизнь спас, довез в целости и сохранности, а ты имеешь наглость с меня что-то требовать!

Капитан ударил снова. Губа Тенрея лопнула, и по подбородку потекла тонкая струйка крови, теплой и солоноватой. Парень слизнул ее и продолжал улыбаться.

Капитан замахнулся еще раз, но Мэтра, не в силах больше на это смотреть, перехватил его руку за запястье.

– Отпусти его, Факирчик, – сказал Тенрей.

– Зачем ты это терпишь?

– Я знаю, какой деда на самом деле, – ответил парень все с той же искренней улыбкой. – Не понимаю, зачем он устроил весь этот сюр, но, если ему хочется, пусть продолжает.

Капитан вырвал руку из хватки Мэтры, поправил сбившийся костюм, недовольно пробурчал что-то себе под нос, достал из кармана небольшой мешочек и вручил его Тенрею.

– На. Здесь больше, чем нужно.

Парень высыпал содержимое мешочка на ладонь. Тринадцать золотых монет Торговой Федерации – тяжелых, тускло поблескивающих. Необыкновенно редких и ценных: каждая могла окупить им обратную дорогу. Но Тенрей не знал их настоящей стоимости, а потому поднес одну к сканеру коммуникатора, и устройство выдало курс к общей мировой валюте – кредитам. Парень тихонько присвистнул. Оставив себе одну монету, он ссыпал остальные обратно и протянул мешочек капитану.

– Возьми, деда. Нам чужого не надо, только то, что было обещано.

Тот зыркнул, снова что-то буркнул, выхватил мешочек и убрал в карман.

– Отдай документы, Факирчик, – сказал Тенрей.

– Оставьте себе, – жестом остановил его командир. – Это мой вам подарок. Мне они все равно ни к чему.

– Спасибо, деда. Ты настоящий добряк, хоть и пытаешься

казаться ворчуном.

– Не понимаю, о чем ты, – капитан был невозмутим.

– Все ты понимаешь. Тебе меня не обмануть, – улыбнулся парень.

Под бородой у капитана проступил легкий румянец, совсем не вязавшийся с напускной суровостью.

– Ой, все, хватит, – смущенно произнес он. – Проваливайте уже, устал я от вас.

Мэтра убрал документы в карман куртки и махнул капитану на прощание, а в ответ получил неприличный жест, означавший «идите куда подальше», – чем рассмешил всех троих, даже самого капитана, который тут же спохватился и снова насупился.

На этой прозаичной ноте их путешествие с капитаном благополучно завершилось.

Глава четвертая

«Ты мне не сын»

Тем временем Тайн уверенно шел к императорскому дворцу. За Мэтру и Тенрея он не переживал: в худшем случае их запрут в изоляторе до выяснения обстоятельств, а оттуда он вытащит их без труда. Как-никак, Тайн тоже Вармок, а эта фамилия в империи Аон открывает любые двери. Конечно, он мог уладить все с пограничниками еще на месте, но не отказал себе в удовольствии проучить Тенрея. Волновали его только встреча с императором и внезапно изменившиеся планы. Вроде бы ничего не случилось, но все внутри кричало: жди беды.

Шагая по бесконечным мостам и подвесным аллеям Атилона, Тайн все сильнее убеждался, что прошло действительно больше двадцати лет. Туристов стало как грибов после дождя – они толпились у перил и тыкали пальцами во все подряд. Появились брендовые магазины и огромные торговые центры, набитые товарами со всех уголков вселенной; некоторых инопланетных эмблем он и вовсе никогда не видел. А сколько стало рекламы! Повсюду жужжали дроны с голографическими роликами, и разноцветные блики скользили по лицам прохожих; те же голограммы облепили стены

зданий и стальные каркасы подвесных улиц. От всего этого у аонца голова пошла кругом. Но чем ближе он подходил к дворцу, тем чаще на опорах мостов появлялись имперские флаги, а вместо рекламы проекции показывали достижения империи и агитацию государственных корпораций.

Дойдя до центральной площади, откуда последний мост вел к дворцу, он решил не торопиться и перевести дух. Посреди площади бил большой фонтан, окруженный скамейками. Несмотря на раннее утро, почти все они были заняты туристами, но Тайн отыскал свободную. Водяная пыль долетала до самой скамейки и холодила лицо; после долгого пути это было даже приятно.

Отдышавшись, он подошел к фонтану. Вода в чаше была прозрачной до самого дна и на вид ледяной. Тайн достал из кармана маленький кусочек бронзового металла, похожий на монету, и бросил в воду. Тот коротко булькнул и пошел на дно, к россыпи других монеток. Его железяка все же выделялась среди них, и Тайн слегка улыбнулся. Ярый скептик, он не верил, что это принесет удачу, но сегодня почему-то решил поступить именно так.

Идя по мосту, он раз за разом прокручивал в голове то, что скажет императору. Дорога казалась бесконечной – время словно замедлилось для него одного. Как долго он этого ждал…

По обеим сторонам моста стройными рядами стояли белоснежные изваяния бывших правителей Аона – каждый во

весь рост, на позолоченном пьедестале, в имперских доспехах и с клинком в руках. Аллея памяти – так ее называют. Утреннее солнце ложилось на белый камень, и казалось, что статуи светятся изнутри. Ни на одном лице – ни гнева, ни скорби, ни торжества: только спокойная, отточенная веками сосредоточенность, с какой эти люди при жизни правили и воевали. Некоторых Тайн помнил по именам еще с уроков истории, других – только по лицам. Он шел между ними и невольно ступал тише.

«Когда-нибудь и отец будет среди них…» – подумал Тайн.

Миновав последнего императора, он оказался у ворот дворца. Сочетавший футуристическую технологичность с архитектурным классицизмом, тот ветвился множеством корпусов по огромной территории резиденции, и главные из них высились надо всем вокруг. Отсюда, от ворот, дворец походил не на здание, а на гору, которой чья-то терпеливая рука придала форму.

Развернувшись и убрав руку за спину, аонец отвесил глубокий поклон, отдавая дань уважения предкам. Каждый из них был Вармоком, но Тайн уважал их не за кровное родство, а за то, кем они были, – истинными правителями, словом и клинком отстаивавшими интересы своего народа. Он безмерно гордился каждым. Лишь одно навевало тоску: как бы Тайн ни старался, ему никогда не стать одним из них по-настоящему. Не стать полноценной частью семьи Вармок. Никогда его изваяние не будет стоять рядом с ними.

Почтив память предков, он снова повернулся к дворцу. Металлические ворота высотой около десяти метров: позолоченная ковка, имперские гербы с золотым оком, инкрустированные драгоценными камнями, флаги… В утреннем свете камни на гербах вспыхивали и гасли, а тяжелые полотнища лениво шевелились на ветру. По обе стороны ворот на пьедесталах стояли две огромные бело-золотые статуи, опершиеся обеими руками о клинки и обратившие взгляды к городу, словно приглядывали за ним. Несведущий принял бы их за украшение, но Тайн знал, что это Колоссы – стражи, охраняющие дворец от непрошеных гостей. Когда он был совсем юн, дед рассказывал ему, что Колоссы бились плечом к плечу с императорами в те времена, когда Аон только пробивал себе путь к мировому господству. Мальчишкой Тайн верил в это безоговорочно и, проходя мимо, каждый раз искал на каменных доспехах зарубки от старых битв. Сейчас он лишь скользнул взглядом по неподвижным лицам.

Оставалось пройти систему безопасности. Тайн оперся ладонями о ворота – металл еще хранил ночную прохладу, – склонил голову и глубоко вдохнул. Встроенное в створку устройство считало ДНК, коротко пискнуло и загорелось зеленым. Щелкнул замок, и ворота медленно распахнулись…

Широкая мощеная дорога между рядами подстриженных кустов и стройных кипарисов привела его к главному корпусу, на пороге которого уже ждал дворецкий. Позади него темнела массивная дубовая дверь с резьбой, позолотой и им-

ператорским гербом посередине – золотыми ладонями Колосса, держащими планету в кольце станции Аорин. Пахло влажной землей и свежесрезанной зеленью – кусты подстригли, должно быть, только этим утром.

– Господин Тайн, – дворецкий поприветствовал его поклоном. – Вы живы. Это невероятно.

– Я тоже рад тебя видеть, Руин, – ответил Тайн и крепко обнял его.

Руин был дворецким семьи Вармок, сколько Тайн себя помнил. Он сильно постарел – лицо иссекли глубокие морщины, – но выглядел все так же безупречно: белая форма без единой складки и пылинки, манжеты с золотыми запонками, на груди эмблема императорской династии. Даже стоял он как всегда: прямо, неподвижно, руки за спиной. Нареканий по службе Руин не имел – кроме тех случаев, когда, прикрывая Тайна, брал вину за его проказы на себя. Работая с утра до ночи, он все же находил время учить мальчика грамоте и этикету. А иногда, когда император был в отъезде, позволял подержать в руках раритетное оружие – чего никогда не позволял отец, считавший, что прикосновением к воинскому оружию Тайн позорит память предков.

– Господин Тайн, держите свои эмоции в узде, не давайте им волю, – произнес дворецкий. – Вы же не забыли наши с леди Аолэйн уроки?

– Я помню каждое сказанное вами слово, мой друг, – улыбнулся Тайн в ответ. – Но плевать я хотел на правила и

этикет. Я просто безумно рад тебя видеть, а в этом доме я задержусь ненадолго.

Руин тоже был рад видеть Тайна, хоть по его бесстрастному лицу этого и нельзя было прочесть. И все же на мгновение он приобнял его в ответ и тут же отпустил.

– За столько лет вы почти не изменились, господин. – Дворецкий отступил на шаг и оглядел его с головы до ног. – Как вам это удалось?

– Пока сам не знаю. А ты помнишь, когда я был на Атилоне в последний раз?

– Хм, у вас проблемы с памятью? Раньше она была вашей самой сильной чертой: вы запоминали абсолютно все, даже самые мелкие детали на чертежах, и воспроизводили их с поразительной точностью, – удивился дворецкий. – Вы случайно не больны, господин? Ваша кожа выглядит уж чересчур бледной. Простите мою бестактность.

– Ничего страшного, Руин, просто в последнее время у меня проблемы со сном, – ответил Тайн. – Из-за этого некоторые моменты прошлого я не могу вспомнить. – «И не только я…» – последних слов он вслух не произнес.

– Надеюсь, что дело только во сне, господин. Тем не менее отвечу на ваш вопрос: последний раз на Атилоне вы были ровно сорок два года и семнадцать дней назад.

Лицо Тайна потемнело, желудок скрутило так, что к горлу подкатила тошнота – казалось, его вот-вот вырвет прямо на порог отцовского дома. Сомнений больше не оставалось:

время искривилось, раздвоилось… он не знал, как верно назвать это явление, но в разных частях вселенной время текло по-разному.

– Что-то не так, господин? – спросил дворецкий.

– Все хорошо, мой друг, отведи меня к отцу, – ответил Тайн, понемногу приходя в себя.

Руин указал рукой на узкую аккуратную тропинку, уходившую вдоль главного корпуса.

– Направляйтесь по этой тропе, господин.

Тайн проследил за его рукой. Там, где когда-то была цветочная поляна, теперь блестел стеклянный купол.

– Что это? – спросил у дворецкого Тайн, не скрывая удивления.

– Святилище, – совершенно спокойно произнес Руин.

Этот ответ обескуражил Тайна не меньше предыдущего. Любые постройки на территории дворца санкционировал лично император, а тот не верил ни в богов, ни в святых и не признавал ни одной религии. Как на дворцовой земле могло появиться Святилище, Тайн понять не мог.

– Ты не проводишь меня?

– Нет, господин. – Руин не сдвинулся с места и даже не взглянул в сторону купола. – Мне, как и любому подданному, кроме лично императора, запрещено туда ходить.

Тайн не стал задавать лишних вопросов и пошел по тропе. Она закончилась у стеклянной двери купола. Дверь была не заперта. Он толкнул ее и вошел – в лицо ударил теплый

влажный воздух.

Перед ним открылась картина, от которой перехватило дыхание. Это был мир внутри мира – живая экосистема, замкнутая в кристально прозрачных стенах и все же насыщеннее всего, что осталось снаружи. Залитую солнцем поляну усеивали сотни редких цветов и экзотических растений, и их запахи сливались в сладкий, пьянящий аромат, дурманивший сильнее любого алкоголя. Диковинные птицы и бабочки, пестрые до ряби в глазах, наполняли воздух щебетом и шорохом крыльев. Под ногами пружинила трава, на листьях еще блестела роса.

Вдалеке виднелся пруд с островком, на котором росло высокое дерево. Его могучие корни мертвой хваткой вцепились в почву, а густая персиковая крона была в цвету. Лепестки срывались с ветвей, кружились в своем причудливом танце и опускались на воду, пуская мелкую рябь. И вокруг все жило и двигалось…

Сквозь пестроту зелени и цветов аонец разглядел чей-то силуэт у самого дерева, к которому через пруд вела вымощенная дорожка. Решив, что это император, Тайн пошел к нему. Подойдя ближе, он увидел, что силуэт принадлежит не императору, а женщине. Но кто она? Солнце, преломленное стеклом купола, слепило глаза, и разглядеть незнакомку он смог, лишь когда дошел до конца дорожки и оказался с ней лицом к лицу.

Во рту пересохло. Сердце сжалось так, что стало трудно

дышать, а по щекам сами собой покатились слезы – столько всего разом нахлынуло. Незнакомкой оказалась его сестра – Аолэйн. Вернее, ее изваяние, созданное мастером, сумевшим воплотить свое творение в цвете. Во весь рост, с белоснежной кожей, она была как живая. Длинные волосы, такие же золотые, как и глаза, словно развевались на ветру, а на лице застыла легкая, едва заметная улыбка. Та самая. Та, которую она приберегала для немногих – и для него. Удивительно точно переданная в холодном камне, Аолэйн цвела красотой и молодостью – именно такой Тайн ее и запомнил. На ней было одно из ее летних платьев, а на груди – любимый кулон. Реплика, конечно: оригинал висел у Тайна на шее. Он машинально взялся за украшение и быстро спрятал под куртку, чтобы отец не увидел и не отобрал: эта вещь была ему дороже всего на свете.

Тайн протянул руку и коснулся каменных пальцев. Они были прохладными и гладкими – и ничуть не похожими на живые. Он и сам не знал, чего ждал. Сколько раз он видел эту улыбку наяву – за уроками, когда путал буквы древних языков, – и каждый раз она означала одно: все в порядке, все поправимо. Вокруг щебетали птицы, лепестки все так же падали на воду, а он стоял перед сестрой, не в силах ни отойти, ни сказать хоть слово. Аонец закрыл глаза, погруженный в саднящие душу воспоминания.

– И все-таки ты жив, – прозвучал за его спиной холодный голос.

Тайн вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял император. Высокий, прямой, в неподвижности своей похожий на изваяния с Аллеи памяти – то же белое лицо, тот же взгляд, не выдающий ничего, – он смотрел на Тайна сверху вниз, и золотые глаза его отливали тем же холодным блеском, что монеты на дне фонтана. Он не сделал ни шага навстречу. Не стесняясь своих чувств, Тайн смахнул слезы.

– Да, император, – с почтением произнес он. – Я жив.

Аттарион Вармок прошел мимо Тайна, будто того и не было, и подошел к Аолэйн. Положил ладонь ей на щеку.

– Здравствуй, дочка, – произнес он и улыбнулся искренне.

Император Аттарион был истинным аонцем – прагматичным и рассудительным. В нем никогда не было и тени эмоций. Он не знал ни жалости, ни сострадания, ни любви – лишь холодный расчет. Император с легкостью пережил бы смерть любого из своих детей, но с утратой дочери не мог смириться и по сей день. А все потому, что она была особенной. Хоть Аолэйн и была аонкой, не выказывающей эмоций, изредка, в кругу самых близких, она позволяла себе искренне улыбнуться. Не наигранно, как порой умели другие аонцы, а по-настоящему. И эта улыбка вызывала в императоре не гнев, а что-то, чего он сам не понимал. Одно ее присутствие, одно ее слово заставляло правителя почувствовать себя живым. Наверное, это и называют «любовью»? Ответа у императора не было. Зато он знал, что дочь была его светом, его миром… целой вселенной. Она была ему доро-

же собственной жизни, что в корне противоречило аонскому мировоззрению. И когда Аолэйн вместе с Тайном покидала родную обитель, император знал, чувствовал, что ее нельзя отпускать, что он потеряет ее навсегда. Но как он мог ей отказать? И такой особенной Аолэйн видели все, не только император. Она была светом для каждого, кому довелось хоть украдкой увидеть ее или перемолвиться с ней словом.

Тайн не видел, как император улыбнулся: тот стоял к нему спиной.

– Как ты посмел сюда явиться? – произнес император уже другим, холодным тоном, не отрываясь от изваяния.

– Из-за «Лунного покрова», – спокойно ответил Тайн. – Ты послал их за мной.

– «Лунного покрова» не существует, – отрезал император. – Или ты до сих пор веришь в сказки?

– Существует, и ты знаешь об этом. Мне довелось встретиться с ними лицом к лицу.

– И как же ты тогда выжил? – усмехнулся император.

Тайн не стал рассказывать, что с призраками разобрались Волорин и Тенрей, и просто промолчал.

Аттарион тяжело выдохнул, всем своим видом показывая, как неприятна ему эта беседа.

– Думай как хочешь. Я не посылал за тобой никого. Твоя жизнь бесполезна, в ней столько же смысла, сколько в мусоре, валяющемся на обочине. Если ты вдруг решил, что я хочу убить тебя за то, что ты отнял ее у меня, то ошибаешься.

Я не из тех, кто помешан на кровной мести.

По телу Тайна прокатилась дрожь, колени предательски ослабли. Растерянность, опустошение, обида – все разом вцепилось в душу и парализовало его, не давая вымолвить ни слова. Пространство вокруг сузилось; он чувствовал, как приторный цветочный воздух душит его, а купол словно сдавливает голову, и в висках запульсировала невыносимая боль.

– Да и зачем мне тебе мстить? Ты сам себя наказал – ведь ты будешь влачить свое жалкое существование и мучиться изо дня в день, зная, что именно ты повинен в ее смерти, – продолжил император.

– Я любил Аолэйн больше всего на свете, – наконец выдавил из себя Тайн. – Больше, чем ты или кто-либо другой. Я не виноват в ее смерти.

Аттарион убрал руку со щеки дочери, обернулся и подошел к Тайну. Правитель, как и всякий истинный аонец, был высок – на несколько голов выше, – и тень его накрыла Тайна целиком. Он склонился так, чтобы их глаза оказались на одном уровне; Тайн слышал его дыхание – ровное, ничуть не сбившееся. Золотые глаза – прожигающие, как пламя, и холодные, как лед, – впивались прямо в душу. Выдержать такой взгляд было сущей пыткой, и по телу Тайна с новой силой прокатилась волна холодных мурашек. Ладони вспотели, под курткой у самого сердца тяжелым грузом лежал кулон. Он хотел отвернуться, убежать прочь и забыть этот про-

клятый день, но, стиснув зубы, пересилил себя и продолжал смотреть, словно бросая ответный вызов.

– Много лет назад вы улетели вместе. Я был против такого решения. Предупреждал дочку, что от тебя будут только беды, – император тяжело вздохнул. – Ах! Как я жалею, что поддался на ее уговоры. Нужно было избавиться от тебя, когда была возможность. Выбросить в канаву, например, где таким выродкам, как ты, самое место. Но я не сделал этого, за что буду корить себя до самой смерти. – Он сделал паузу, наблюдая за реакцией Тайна, которого после этих слов тряслo, словно осиновый лист на ветру. – Ты чувствуешь вину. Знаешь, что я говорю правду. Тебя выдает собственное тело. Интересно, а в нем есть хоть что-то аонское? – эти слова император произнес с еще большим презрением. – Аолэйн дала тебе все, а ты не смог защитить ее. Ты не смог поступить как истинный аонец. Это ты убил ее, Тайн. Ты убил ее своей трусливой слабостью.

Тайн не находил слов. Мысли каскадом обрушивались на него и путались. Он пытался что-то ответить – и не мог произнести ни звука. Все вокруг сгущалось, наползало, обступало его со всех сторон, и от этого делалось по-настоящему страшно.

– Убирайся отсюда. Даю тебе время ровно до заката. И нет – тебя я не трону. Но если к закату ты не исчезнешь, твои безмозглые ублюдки, с которыми ты прилетел, лишатся своих голов, – император указал на выход из Святилища. –

На этом наш разговор окончен. Чтобы ноги твоей больше не было на Аоне!

Последние слова императора прозвучали как раскат грома. Тайн сдержал бурлившие в нем чувства – только ногти впились в ладони. Он молча ушел – мимо пруда, мимо дерева в персиковом цвету, и лепестки липли к его подошвам. Ему больше не нужны были слова.

Уже выйдя за ворота дворца – они сомкнулись за его спиной с тем же негромким щелчком, – он обернулся и в последний раз посмотрел на то место, которое когда-то считал своим домом. Колоссы глядели поверх его головы, на город; для них он был лишь еще одним прохожим. Тайн мысленно попрощался с сестрой и ушел.

Глава пятая

«Как и всегда…»

Тенрей и Мэтра нашли уборную и привели себя в порядок, насколько это было возможно: парень смыл с подбородка подсохшую кровь, Мэтра оттер ладони от трюмной грязи. После этого они вышли из грузового терминала, сверили время по коммуникатору и накинули капюшоны плащей.

– Куда пойдем? – спросил Факир, глядя на три парящих моста, протянувшихся перед ними.

Недолго думая, Тенрей выбрал средний, и они двинулись по нему. Мост едва заметно подрагивал под ногами, из пропасти между башнями тянуло холодным сквозняком. Утреннее солнце, отраженное гранями шпилей, бросало на настил бледно-золотые блики, а снизу, из просветов между ярусами, поднимался приглушенный рокот летающих машин. Парень крутил головой, словно хотел запомнить все, чего больше никогда не увидит. Но сильнее всего его захватили космические крейсеры – огромные, необъятные; разрывая облака, они садились и взлетали ежеминутно и без единого слова говорили об экономической мощи империи.

– Как твое лицо? – спросил Мэтра.

Тенрей дотронулся до покрасневшей скулы. Кожа отозва-

лась тупой саднящей болью.

– Ничего страшного.

Они прошли еще немного, наблюдая за хороводом летающих роботов-доставщиков: те с тихим стрекотом носились над пропастью, перемигиваясь зелеными огоньками. Видимо, неподалеку был сортировочный центр какой-то транспортной компании.

– Что это нашло на старика? – вдруг произнес Факир.

– Кто знает, – пожал плечами парень. – В любом случае мы ему обязаны.

– Согласен, конечно… но все-таки считаю, что рукоприкладство было явно лишним.

– Да не думай ты об этом. – Тенрей проводил взглядом робота-доставщика, нырнувшего под мост. – Он ударил не со зла, в нем не было ни капли гнева, хоть он и пытался убедить нас в обратном. Я видел. Наверное, деда просто встал не с той ноги. У всех свои причуды.

– Или это все из-за той бормотухи, которой Тайн пытался отравить его… – предположил Мэтра.

– Не исключено, – улыбнулся Тенрей. – А знаешь, что я еще понял?

– Что?

– Удар-то у дедули тяжелый. – Парень осторожно подвигал челюстью. – Было даже больно.

– Ну так, пф-ф… Гном-воитель как-никак.

Оба рассмеялись.

Миновав мост, они зашли в башню. Футуристичный фасад из металлических ребер и высокопрочного стекла, внутри – мрамор и лучшие породы дерева. Солнце проникало внутрь и ложилось на пол длинными белыми полосами. Исполин вмещал все: магазинчики, увеселительные заведения, выставки, даже фонтаны и скверы в рекреациях. Вдоль стен беззвучно скользили прозрачные капсулы лифтов, и люди в них казались фигурками в стеклянных колбах. Под сводами негромко играла музыка, а шаги тонули в общем гуле, не оставляя эха. Пахло дорогими духами и полированным деревом.

Туристов тут почти не было – их отпугнули непомерные цены третьего яруса, – зато местного бомонда и приезжей знати хоть отбавляй. С непроницаемыми лицами, вычурно разодетые, увешанные украшениями, они вызывали у Тенрея жалость. Он видел, как за обновками и побрякушками прячутся опустошенные, одинокие, неуверенные в себе души. У них было все, чего можно пожелать. Но разве это счастье? Разве это жизнь?

– Ну и куда дальше? – спросил Факир.

Глаза у Тенрея разбегались. Хотелось всего сразу, но время, а главное – бюджет, были ограничены.

– Нашел, – объявил он наконец, разглядев что-то на электронном указателе направлений, висевшем под потолком.

– И куда это ты собрался?

– Секрет, – хитро прищурился парень.

Выбором оказался высокоскоростной лифт. Кабина ухнула вниз так, что у обоих заложило уши; за прозрачной стенкой этажи, мосты и огни слились в сплошные цветные полосы. Меньше чем за минуту она доставила их на первый ярус.

– Эм-м-м, – удивился Мэтра. – Почему именно сюда? Я думал, ты, как обычно, захочешь съесть что-нибудь вкусное или посмотреть на какую-нибудь зверушку.

– Ну… и да, и нет. Я-то, конечно, хочу все, о чем ты сказал. Но, во-первых, на третьем ярусе все дорого, а во-вторых, ты же знаешь – самое интересное всегда внизу.

– Знаю я твое самое интересное, – упрекнул его Факир. – Опять вляпаемся в какую-нибудь историю?

– Да ну ты, брось, – махнул рукой Тенрей. – Когда такое было?

– Постоянно. – Мэтра вышел из кабины вслед за другом. – Лучше попытайся вспомнить, когда такого не было.

Первый ярус отличался от третьего разительно. Ни роскошной отделки, ни голограмм элитных брендов, ни россыпи умной техники – но здесь все это было и не нужно. Цены оказались низкими, а туристов – не счесть. Простые, такие же, как они с Мэтрой, – счастливые, по-настоящему восхищенные всем вокруг. Мелкие лавки завлекали цветастыми вывесками, бойкие торговцы кричали в спину прохожим, чем их товар лучше соседского; люди приценивались, торговались, уносили покупки. Солнце добиралось сюда уже процеженным сквозь два верхних яруса, и лавочные огни – крас-

ные, желтые, зеленые – раскрашивали лица толпы. Гул стоял такой, что приходилось повышать голос, а из каждой второй двери тянуло жареным тестом и пряностями.

– Вот оно, Факирчик, – восторгался Тенрей, глядя по сторонам. – Это настоящая жизнь. Глянь на их лица. А души! Ты бы видел, какой там восторг. Фантастика. А самое главное – да простит меня Тайн, – тут нет ни одной кислой аонской рожи, от них на меня такая тоска находит.

В ближайшей лавке они разменяли монету капитана на мелочь. Поначалу меняла не хотел с ними возиться и все норовил отправить их на третий ярус, но добродушная улыбка Тенрея в очередной раз сделала свое дело. Прежде всего друзья сменили одежду – от ботинок до плащей – и наконец перестали походить на бездомных. Из мутного зеркала одежной лавки на них глянули двое вполне приличных молодых людей: беловолосый Мэтра, которому едва подобрали плащ по росту, и Тенрей, чьи каштановые вихры торчали из-под нового капюшона точно так же, как из-под старого.

А затем парень сорвался с цепи: тратил деньги и пробовал все подряд. Элитных заведений тут не водилось, и еда была дешевой, простой и очень вкусной. Что-то слоеное, истекавшее горячим сыром так, что приходилось запрокидывать голову; ледяной кисловатый напиток, от которого ломило зубы; сладкие шарики в сахарной пудре, обжигавшие небо. Мэтра честно нес за ним бумажные стаканы и свертки и так же честно отказывался от каждой второй затеи. Тенрей

перемазался соусом до самых ушей и выглядел совершенно счастливым.

Так они ходили из башни в башню, пока не наткнулись на неприметную лестницу, уводившую вниз. Возможно, друзья прошли бы мимо, но туда один за другим спускались туристы, семьи с детьми, влюбленные парочки и даже аонцы, которых на этом ярусе никак не ожидаешь встретить, – и любопытство Тенрея вспыхнуло само собой. Каменные ступени были стерты посередине до гладких седловин – по ним ходили очень давно и очень много. Снизу тянуло холодом, сыростью и чужим, незнакомым гулом.

– Пойдем посмотрим, что там? – Тенрей уже стоял на верхней ступени.

– Нет, – решительно ответил Мэтра.

– Ну пожалуйста! – стал выпрашивать парень, сложив руки в молитвенном жесте.

– Нет. И точка. – Мэтра посторонился, пропуская к лестнице семью с детьми.

– Ну Факирчик! Пойдем, посмотрим одним глазком. Да не будь занудой, как Тайн!

Мэтра ничего не имел против Тайна, но сравнение с ним ему не понравилось.

– Давай, соглашайся, – продолжал свой натиск парень и сверил время по коммуникатору. – У нас в запасе еще целых два часа.

– Почему это у нас два часа в запасе? – насторожился Мэт-

ра.

Тенрей замялся.

– Ах! Точно, – спохватился он с улыбкой. – Забыл тебе сказать: через два часа мы встречаемся с Тайном. Да, планы слегка поменялись, и он еще какое-то время будет с нами. – Парень поспешил сменить тему. – Ну, когда еще мы побываем тут? Сам подумай. Это конец нашего пути, дальше снова скука и серые будни. Соглашайся. Как ты можешь отказать другу? А? Мы же настоящие друзья? Верно?

– Ты грязно играешь, – тяжело выдохнул Мэтра, что означало капитуляцию. – Ровно один час и ни секундой дольше.

– Ты просто душка, – возрадовался Тенрей. – Без малого два метра чистой доброты.

– Не подлизывайся. Я серьезно. У тебя ровно час, другой мы потратим на обратную дорогу. Кстати… – Факир задумался. – Ты так и не сказал, в чем дело. С чем связаны изменения в планах?

– Ой, да не обращай ты внимания, – махнул рукой парень. – Давай лучше спустимся туда.

Спускались гуськом, вместе с туристами, пролет за пролетом; с каждой площадкой неба над головой оставалось меньше, а гул снизу делался гуще. Уже через несколько минут они ступили не на металл мостов и не на мрамор башенных полов, а на настоящую землю Аона. Дневной свет едва пробивался сюда сквозь три яруса башен, мостов и подвесных аллей, и земля почти не просыхала: она чавкала под подош-

вами и липла к ним, а в колеях стояла темная вода, подернутая радужной пленкой. Вверху беспорядочно пересекались балки и фермы, оставляя лишь редкие тусклые проблески неба. Где-то высоко прошла тень, и опоры отозвались долгой дрожью.

Влага собиралась на металле в тяжелые капли, и те срывались с разной высоты, отчего капель звучала вразнобой, будто десяток невидимых часов шел не в лад. Пахло ржавчиной, сыростью и остывшим машинным маслом, а откуда-то из глубины пробивалось живое – дым, еда, мокрая шерсть. Светили только лампы, развешанные как попало по стенам и опорам; в их желтом свету дымка казалась почти осязаемой. Сверху, будто из другого мира, доносился ровный гул Атилона, а здесь каждый шаг отдавался под сводами эхом.

А Тенрей улыбался. Наверху все было отшлифовано до блеска, а тут город показывал изнанку – швы, заклепки, потеки ржавчины, застарелую копоть на бетоне. И в этой изнанке, на взгляд парня, честности было куда больше, чем во всем третьем ярусе разом.

– Ну и дыра, – с отвращением произнес Мэтра. – Давай-ка лучше уйдем отсюда, здесь явно нет ничего интересного.

– Как же нет? – возразил Тенрей. – Не зря же сюда идут толпами. А лица? Ты же сам их видел. Они спускались в эту темень в ожидании чего-то необычного, какого-то чуда.

– Единственным чудом будет то, что мы ни с кем не подеремся. – Мэтра брезгливо смахнул с плеча упавшую сверху

каплю. – Ты же понимаешь, что здесь нет стражи, а значит, пруд пруди разбойников, воров и прочего сброда.

– Ты, как всегда, преувеличиваешь, мой Факирский друг. В любом случае ты обещал, что у меня есть час, поэтому не будем тратить ни минуты. – Тенрей подставил ладонь. – Но сначала дай мне документы.

– Это еще зачем?

– Затем, что карман твоей куртки – не самое надежное место. Поверь, я вырос в таких же условиях.

Мэтра не стал спорить. Достал карточки из кармана и протянул другу. Тот поочередно поднес их к коммуникатору – устройство считало данные и коротко пискнуло.

– Ну все, теперь карточки больше не нужны. – Он убрал их в карман и на всякий случай проверил: коснулся коммуникатора, и тот вывел голограмму. Удостоверение личности со всеми данными владельца, цифровой подписью и печатью Торговой Федерации. Ничего примечательного – кроме графы с именем и фамилией, где большими буквами значилось: «ФАКИР ПИРОМАНТОВИЧ».

Похвальное спокойствие Мэтры улетучилось в один миг.

– Какого хрена? – воскликнул он.

– А что не так? – сквозь смех произнес Тенрей. – Так-то все по делу. Считаю, что придираться не к чему.

– А ты чего ржешь? Давай-ка мы и твои документы посмотрим.

– Думаю, их нечего смотреть, там наверняка все в поряд-

ке. – Улыбку с лица парня как ветром сдуло: он и сам не верил в то, что сказал.

– Я настаиваю. Уверен, там будет на что посмотреть, – ехидно улыбнулся Мэтра.

– Ну ладно. Раз уж ты настаиваешь, – сдался Тенрей и жестом смахнул документы друга, выводя вместо них свои.

Секунду стояла тишина, а потом Мэтра залился звонким смехом. Тенрей же не сводил глаз со своих документов; голубоватый свет голограммы лежал на его вытянувшемся лице.

– Дол… Долбошлеп Соплякус? – наконец произнес он.

– И как тебе? – в приступе смеха промолвил Мэтра.

– А старикашка-то нас поимел.

– Похоже на то.

– Ну и черт с ними. – Тенрей пожал плечами и улыбнулся. – Главное, что они настоящие, поэтому бояться нам нечего. Пойдем, Факир Пиромантович.

– Пойдем, Долбошлеп Соплякус.

И они оба рассмеялись.

В темени стальных конструкций друзья разглядели слегка покореженный указатель и пошли туда, куда он показывал. Поначалу вокруг были только грязь и опоры, но постепенно под арками верхних сводов стали появляться строения в несколько этажей, сложенные из материала, похожего на бетон. Простые захолустные жилища, каких друзья навидались на бедных планетах по пути на Аон. Так строили еще в те времена, когда не было космических перелетов и расы

жили каждая на своей планете. Впрочем, выглядели домики аккуратно, в окнах горел свет, а на веревках, протянутых от опоры к опоре, сушилось белье. У одного порога стояла пара детских ботинок, вымытых и выставленных носами к стене; у другого кто-то развел в старом баке грядку с чахлой зеленью и подвесил над ней лампу.

Наконец указатели вывели их к торговому кварталу: маленькие лавочки вырастали тут через каждый метр, как грибы, а между ними толпились жители и туристы. Фонари висели ровной чередой и заливали теплым желтым светом улочки, паутиной расходившиеся в разные стороны. От футуристичности верхнего города здесь не осталось и следа, зато было уютно, и даже рекламы встречалось куда меньше. Где-то спорили из-за цены, где-то смеялись, под ногами шмыгали дети, а от жаровен тянуло дымком.

Тенрей стал внимательно изучать здешних обитателей. К его удивлению, он не увидел ни в ком ни враждебности, ни агрессии, не заметил ни одного карманника. Все были поразительно умиротворены и счастливы – редкость для подобных мест. Старуха у жаровни напевала себе под нос, двое грузчиков по-братски ломали одну лепешку, а хозяин соседней лавки и вовсе дремал, бросив товар без присмотра. Потом внимание парня зацепила лавочка с сувенирами: среди дешевых безделушек на вытертом бархате лежал кулон, похожий на тот, что носил Тайн, только из другого материала. Тенрей взял его двумя пальцами и повернул к фонарю. Фор-

ма была та самая, до мелочей, – а вот вес не тот, грани отдавали мутной дешевизной, и никакого света внутри не было. Парень положил кулон обратно и все равно задержался у прилавка дольше, чем собирался.

– Может, купим один или два?

– Даже не думай, – осек его Мэтра. – У нас денег только на обратную дорогу и на еду. А зная тебя, деньги на еду кончатся очень быстро.

– Ну так надо же поддерживать тело в форме. – Тенрей напряг руку, продемонстрировав внушительные мышцы, и улыбнулся.

Только в этот раз улыбка не помогла: Мэтра проворчал что-то себе под нос и пошел дальше, увлекая друга за собой. Выбором здешние ряды похвастаться не могли, зато продукты были натуральные и ничуть не хуже, чем наверху. Даже пахло чем-то фермерским.

Следующим внимание парня перехватил прилавок с фруктами – желтыми, багровыми, в мелкую крапинку, еще влажными, будто их только что вынули из воды. От фруктов тянуло сладким, чуть забродившим духом, какой бывает только там, где товар не держат в холодильных камерах. Тенрей сглотнул слюну, повернулся к Мэтре и посмотрел на него большими зелеными глазами; легкая улыбка довершала образ самой невинности.

– Скажи да. Я в любом случае куплю, даже если ты скажешь нет, – деньги-то у меня. Но вот если ты все же согла-

сишься, то будешь на-а-а-астоящим другом, а самое главное, я смогу сказать Тайну, что мы были заодно, и, возможно, он будет меньше на меня орать.

– Покупай, – буркнул Мэтра.

– Ты лучший, – просиял парень.

Они подошли к прилавку. Тенрей нагрузил фруктами руку, прижатую к груди, расплатился, и друзья пошли дальше. Верхний плод парень поднес к лицу и понюхал. Запах был приятный, слегка пряный.

«Хоть бы вкус не подкачал», – подумал он и откусил. Кисло-сладкая мякоть с легким ореховым послевкусием привела его в восторг. За время пути они много чего перепробовали, но он и не представлял, что фрукт может быть настолько вкусным.

– На, укуси. – Жуя, он поднес плод Факиру ко рту.

Тот не отреагировал.

– Кусай, кому говорю.

На этот раз друг нехотя, но откусил кусочек. Прожевал.

– Ничего особенного.

– Ой, можно подумать… – скривил лицо Тенрей. – Ну и ходи тогда голодный, мне больше достанется.

Неожиданно рядом с ними оказался мальчик – совсем ребенок, макушкой он не доставал им и до пояса. Золотые глаза и бледная кожа выдавали в нем аонца. Одет он был в тряпье, рваные ботинки были ему на размер велики, и разошедшиеся подошвы прихлопывали при каждом шаге. Острые скулы,

обветренные губы, шелушащаяся кожа – он явно недоедал.

Прежде чем подойти, он какое-то время стоял в стороне и смотрел на фрукты в руке Тенрея – так смотрят на витрину, за которой лежит чужое. Прохожие обтекали его, будто он был не мальчиком, а тумбой. Пальцы он прятал в рукава, а когда все же решился, подошел быстро, в два шага, словно боялся передумать на полдороге.

– Дя-я-яденьки, у вас не найдется чего-нибудь покушать? – спросил он тонким голоском.

Тенрей присел на корточки, чтобы оказаться с мальчиком примерно одного роста.

– Конечно, малыш. Бери сколько хочешь, – ответил он, улыбнувшись.

– Правда? – Малыш замешкался, взял один фрукт, но потом все же потянулся за вторым.

– Бери еще, – настаивал Тенрей.

– Спасибо, дяденька, но нам с сестричкой хватит.

– А много в этом месте таких деток, как ты?

– Много, – простодушно ответил мальчик.

– А где ваши родители?

Мальчик всхлипнул: обида, грусть, тоска – все перемешалось, и он заплакал. Плакал он неумело и тихо, вжимая подбородок в грудь и придерживая фрукты обеими руками, чтобы не уронить. Попытался что-то сказать сквозь слезы, но Тенрею и так все стало понятно. Мальчик был выродком, не способным контролировать свои эмоции, – так их называют

на Аоне.

– Знаешь, что я скажу тебе, малыш? – Парень улыбнулся и положил руку ему на плечо. – Много чего еще произойдет в твоей жизни. Будет момент, когда ты захочешь сдаться и бросить все. Но ты должен быть сильным, ведь кроме тебя никто не защитит твою сестренку. Можешь обещать мне это?

– Угу, – кивнул мальчик в ответ.

– А почему ты живешь именно здесь? – подключился к разговору Мэтра. – Разве на других ярусах не легче? Наверняка на такой развитой планете есть учреждения для таких деток, как ты.

– Есть, дяденька, мы были с сестренкой там, но сбежали. Нашим родителям было стыдно за нас. Быть там – настоящая мука. Нас били, не давали кушать, опыты какие-то ставили… Говорили, так нас сделают нормальными. А как таким стать, если тебе больно, если тебе плакать хочется, а плакать нельзя? И бьют постоянно, а за что? А здесь, дяденька, Пастор и Церковь Света дают нам кров и еду, а еще помогают такие добрые туристы, как вы.

– Пастор и Церковь Света? – удивился Тенрей, зная, как на Аоне относятся к религиозным организациям.

– А вы разве не знаете? – мальчик захлопал ресницами. – Обычно сюда спускаются только ради того, чтобы посмотреть на нашего святого. – Он сложил руки в молитвенном жесте. – Он избран самим Богом Создателем, сотворившим все сущее.

– Избран? – переспросил Тенрей.

– Да. Он наделен божественной силой и способен творить чудеса.

Мэтра с Тенреем переглянулись.

– Ты в этом точно уверен? – спросил Факир.

– Абсолютно. Я видел все своими глазами. Мой друг был слеп от рождения, и Пастор вернул ему зрение.

Тенрей глубоко задумался, а потом перевел взгляд на худые запястья мальчика.

– Слушай, малыш, – улыбнулся он. – А хочешь заработать немного денег?

– А можно?

– Конечно, я ведь сам предложил.

Глаза мальчика заблестели.

Тенрей оторвал от полы своего плаща кусок материи – ткань поддалась с сухим треском, и Мэтра только вздохнул: плащ был куплен час назад. Парень сложил в лоскут остатки фруктов, завязал узлом и протянул мешочек мальчику.

– Ты должен раздать все это другим деткам. Такова будет твоя работа. Справишься?

Малыш кивнул и взял мешок.

– Протяни руку, – сказал Тенрей и полез в карман за остатком денег. Мальчик вытянул ладошку, и парень высыпал в нее монеты – все, что у них было.

– Вот твоя награда за работу.

– Это же целая куча денег! – возразил ребенок. – Я не

могу их взять.

– Тогда оставь себе сколько пожелаешь, а на остальное купи фруктов или что-нибудь еще из еды и раздай другим деткам.

Губа мальчика начала подергиваться – еще чуть-чуть, и он бы разрыдался.

– Я на тебя рассчитываю. Ты уж не подведи меня, – подмигнул Тенрей.

– Угу, – выдавил мальчик и все же расплакался, пораженный добротой того, кого видел впервые в жизни.

– Не плачь. Ты должен быть сильным. Ты ведь обещал мне, а слово надо держать.

Мальчик смахнул слезы и попытался изобразить аонское спокойствие, но у него не получилось.

– Я буду… буду сильным, обещаю! – по-детски искренне произнес он сквозь слезы.

– Вот и молодец, – похвалил Тенрей, потрепав его по волосам.

Малыш еще раз посмотрел на монеты в ладони. Карманов у него не было, а потому он спрятал их в потрепанный носок.

– Спасибо вам, дяденьки! – С этими словами мальчик закинул мешок с фруктами на плечо и убежал.

Друзья помолчали, глядя ему вслед, пока мешок не затерялся в толпе.

– Это были наши последние деньги? – спросил Мэтра, хотя ответ знал и сам.

– Ну да, – улыбнулся парень.

– Как будем добираться до Ванкилы?

– Как и всегда. Что-нибудь придумаем, а им эти деньги нужны больше. Будешь ворчать?

– Нет. – Мэтра улыбнулся. – В этот раз нет. Ты поступил правильно, но… Тайн тебя все равно убьет.

– О нет, нет, нет, мой Факирский друг, – возразил Тенрей с коварной улыбкой. – Не меня, а нас. Ты разве забыл, что мы с тобой в одной лодке?

– Ну да, ну да, совсем вылетело из головы. – В голосе друга слышалась безысходность. – Куда дальше?

Тенрей взглянул на коммуникатор. Сверил время.

– У нас в запасе еще полчаса, а потому пойдем-ка посмотрим на этого Пастора, – сказал парень.

– Сдался он тебе?

– Сам он не представляет для меня интереса. – Тенрей убрал коммуникатор. – Но вот божественная сила, дарующая зрение, – это другое дело.

– Может, малыш придумал это?

– Нет. Каждое сказанное им слово было правдой.

– Тогда, может, он принял трюк за божественную силу? – не сдавался Мэтра.

– Не исключено, а потому надо убедиться лично.

Мэтра не хотел смотреть на Пастора – он не видел в этом никакого смысла. Но еще меньше смысла было спорить с Тенреем.

Следуя за туристами, через несколько кварталов они вышли к площади, битком забитой зеваками. Народ облепил импровизированную сцену, откуда разносился голос проповеди; каждый тянул шею, чтобы хоть глазком увидеть происходящее. Друзья стали протискиваться через толпу. Наступая то на ноги, то на хвосты – здесь были представители самых разных рас – и выслушивая в свой адрес ругательства, они все же пробились к центру. Пахло потом, мокрой одеждой и горячей пылью от прожекторов. Толпа качалась и подавалась вперед единым телом, кто-то держал над головой ребенка, и над всем этим ровно, без надрыва, плыл голос со сцены.

И там они увидели его – мужчину в белой церковной рясе и колпаке с изображением солнца. Без сомнений, это и был Пастор. Ряса была небогатая, из простого полотна, подол пестрел брызгами здешней грязи. Говорил он негромко, но слышно его было до последних рядов, и паузу держал ровно столько, сколько нужно, чтобы толпа успела вдохнуть за него. Добродушные черты лица, легкая улыбка и чарующий голос вызывали доверие у всех, кроме Тенрея. Парень пристально смотрел на церковника и не видел ничего подозрительного – и все же что-то в нем настораживало. Толпа же, словно изголодавшись, ловила каждый его жест и проглатывала слово за словом. Пастор взмахивал руками, будто дирижер, в такт речи и настроению людей и владел ими, как оркестром.

Ряд небольших прожекторов на металлических подпорках освещал сцену, создавая вокруг проповедника своеобразный ореол. Позади виднелись самодельные тканевые баннеры «Встреча атилонских друзей Господа» и «Проповедь Истины Церкви Света» – все с теми же солнцами, вышитыми грубой золотистой нитью. Полотнища провисали и подрагивали, задеваемые поднятыми руками.

В какой-то момент рукав рясы задрался, и Тенрей заметил на ладонях проповедника две одинаковые татуировки: сферы с множеством символов и линий, которые, переплетаясь, складывались в геометрические фигуры. Выходя за пределы сферы, черные линии свивались, словно змеи, поднимались по рукам, уходили под ворот рясы и заканчивались уже на лице – у самых висков, под колпаком, где их прятал ореол прожекторов.

– Посмотри на них, – тихо произнес Мэтра, глядя на блаженные лица и молитвенно сложенные на груди руки. – Они словно под гипнозом.

– Ты бы видел, что творится у них в душе.

Пока они переговаривались, Пастор развел руки в стороны, словно пытаясь обнять толпу.

– Дети божьи! Вы готовы узреть силу, которой меня наделил истинный владыка этого мира? – воскликнул он.

– ДА-А-А-А! – взревела толпа, в исступлении срывая глотки.

– Ты! – Церковник указал на мужчину-аонца, сидевшего

в инвалидном кресле. – Подойди ко мне, брат мой!

– Я? – удивился калека, ткнув себя пальцем в грудь.

– Да, да! Именно ты! Смелее!

Мужчина взялся за обода колес и налег. Кресло, поскрипывая, тронулось и вывезло его к самой сцене. Прожекторы выбелили его лицо – и без того по-аонски бледное, с золотыми глазами; спину он и в кресле держал прямо, как в строю.

– Как тебя зовут, брат мой?

– Дереон…

– Вы знаете Дереона? – обратился к присутствующим проповедник.

– ДА-А-А-А! – ревела толпа.

Многие и правда знали его: когда-то Дереон был известным воином не только на Аоне, но и далеко за его пределами. Почтенный гражданин своей страны, после ранения он навсегда оказался прикован к инвалидному креслу и потерял все – статус, деньги, былой почет. Такие, как он, – слабые и презренные – были никому не нужны. «Лучше бы ты храбро погиб» – эту жестокую максиму он слышал много раз. Брошенный друзьями, семьей и сослуживцами, он долго скитался, прося милостыню на верхних ярусах, пока не попал сюда. Кресло под ним было собрано из чужих запчастей: одно колесо чуть меньше другого, спинка перетянута ремнем. Ладони, годами толкавшие эти колеса, стали жестче, чем в те времена, когда держали оружие.

– Скажи мне, Дереон, – произнес церковник, – ты ведь

был когда-то настоящим воином. Я прав?

– Все верно. Когда-то я был лучшим из всех!

– И что же случилось с тобой? Почему такой отважный солдат теперь влачит жалкое существование в инвалидном кресле?

Аонская выдержка не выпускала наружу ни одной эмоции, но подкативший к горлу ком не давал выговорить ни слова. Тогда проповедник положил руку ему на плечо, посмотрел прямо в глаза и добродушно улыбнулся.

– Все хорошо, брат мой! – Он обвел рукой толпу. – Оглянись по сторонам, здесь твои братья и сестры. Тебе не нужно ничего стыдиться или скрывать. Бог Света любит нас всех!

Дереон осторожно взглянул на людей, щурясь от света прожекторов. И правда, в этих лицах не было того презрения, какое он видел у тех, кого когда-то называл семьей. Кто-то сзади положил ему ладонь на плечо и тут же убрал руку, не проронив ни звука; это короткое прикосновение значило для Дереона больше, чем вся речь проповедника. Впервые за долгое время он почувствовал, что не одинок, что он – часть чего-то большего.

– Продолжай же, брат мой! – произнес Пастор.

И Дереон продолжил.

– Мне… мне нечего стыдиться. Я был воином, защищал границы нашей империи. Моему отряду приказали удерживать форпост, а приказ для меня – святое. Мы бились день и ночь, без сна и отдыха, отбивали одну атаку за другой. Ни

шагу назад. Ждали подкрепления – да хотя бы подвоза припасов! – но его все не было, – он сделал паузу, чтобы перевести дух. – Вы бы знали, сколько тогда полегло моих братьев. О себе никто не думал, только о том, чтобы защитить родину. Враг думал, что нас целая дивизия, а парней было не больше двух десятков. Мы отстояли позицию, но, когда наконец прибыли резервы, из всего отряда в живых остался только я. Отбросило взрывом, засыпало, видимо… Остальные легли в братскую могилу – все. Только нашу храбрость и верность долгу сверху не оценили. Командование свалило всю ответственность на меня: сказали, что я нарушил приказ, что остаться и защищать форпост было моим безрассудным решением. Меня лишили всех званий и с позором выгнали на улицу. То же самое сделала и моя семья. Кому захочется знаться с клятвопреступником? Сказали, что я должен был погибнуть со всеми, чтобы не марать позором свое имя. Теперь у меня есть только это жалкое кресло, в котором я буду влачить существование до самой смерти. И с каждым днем я все больше убеждаюсь, что они были правы: лучше бы я умер в тот день.

Толпа сочувственно охала. Впереди какая-то женщина прижала ладони ко рту, а стоявший рядом мужчина стянул шапку и смял ее в кулаке.

– Ты не прав, – возразил церковник. – Твои близкие и твоя страна отвернулись от тебя, но не Всевышний. Он любит тебя, а потому и привел к нам. – Проповедник вскинул руки,

обращаясь к присутствующим. – Нужны ли вам такие страны, которые плюют на собственных граждан? Заставляют вас быть их орудием, а после, когда пользы от вас больше нет, выбрасывают на свалку истории?

– НЕ-Е-ЕТ! – кричала толпа.

– Нужны ли правители, которые ставят интересы мелкой группы выше интересов всего общества?

– НЕ-Е-Е-Е-ЕТ! – еще громче закричали люди.

Церковник снова раскинул руки, будто хотел обнять разом всех, и толпа стихла.

– Но Бог Света не таков. Он любит всех. Готов принять в свою обитель каждого, стоит только уверовать. Уверовать и признать, что Он есть истинный Бог и нет богов, кроме Него. Ты веришь, брат мой?

Что-то внутри Дереона дрогнуло, и в его глазах затеплилась надежда. Сейчас ему казалось, что Пастор и эти люди вокруг и есть его настоящая семья.

– Да, – блаженно ответил былой воин. – Я верю.

– Готов ли ты отречься от ложных богов, прогнившей страны и ее правителя? Готов стать последователем истинного Владыки всего сущего?

– Да-а-а! – взревел калека.

– Раз так, то узри истинную силу Бога Света. – Проповедник положил руку ему на голову и что-то прошептал. Татуировка на его кисти засветилась, а глаза почернели, словно сама тьма затопила их изнутри. Он убрал руку с головы и

торжественно произнес: – А теперь встань и иди, сын Божий!

Дереон замешкался, но лица в толпе будто выталкивали его из кресла. По телу прокатился странный прилив сил – та самая легкость, с какой он когда-то, бравым солдатом, отмахивал многокилометровые броски. Сам того не сознавая, он оперся обеими руками, оттолкнулся и встал. Земля качнулась под забытыми, чужими ступнями, но колени держали. Теперь он видел не пояса и локти, а лица – сотни задранных к нему лиц.

Толпа замерла.

Ноги тряслись, но он сделал шаг, затем другой – и так, покачиваясь, дошел до Пастора. Руки его тоже дрожали. Былой воин упал на колени, обхватил ногу церковника и заплакал.

– С-спасибо, – вымолвил Дереон сквозь слезы. – Спасибо!

Люди бились в экстазе. Кто-то рыдал в голос, кто-то тянул к сцене руки, а некоторые падали в обморок, и соседи подхватывали их, не отрывая глаз от помоста. Толпу понесло общим потоком небывалого восторга.

– Теперь вы верите, братья и сестры? Верите в силу нашего Отца? – воскликнул церковник.

– ДА-А-А-А! – кричали ему в ответ.

Толпа ликовала, раскачиваясь в едином ритме, будто у всех на площади была одна общая душа. Отдельные восторженные выкрики тонули в густом гуле.

Тут Тенрей дернул Мэтру за рукав плаща.

– Нам пора.

Тот кивнул в ответ.

Протискиваться обратно через возбужденную толпу оказалось куда тяжелее, но, отдавив еще несколько ног и хвостов, друзья все же вырвались из этого муравейника. За пределами прожекторного света воздух показался холодным и пустым, а рев площади за спиной быстро смешался с шумом нижнего яруса. Тенрей погрузился в раздумья.

– Что скажешь про Пастора? – спросил Факир.

– Ловкий манипулятор, искусный оратор.

– Что скажешь про божественное исцеление?

– Исцеление – да, божественное – не уверен.

– Объясни. – Мэтра удивленно уставился на друга.

– Исцеление было, и это была не постановка, тут я уверен. Но в божественности происходящего я сомневаюсь. Глядя на эмоции проповедника, я заметил, что не все сказанное им было правдой. Отсюда вопрос: если все так однозначно и ты глубоко верующий, зачем лгать?

– Тогда как он провернул все?

– Хороший вопрос. – Тенрей на ходу посмотрел на собственную ладонь. – Я заметил, как татуировка на его руке засветилась, а глаза почернели прямо перед исцелением. Самый логичный ответ – это магия, но…

– Магии не существует в нашем мире, – продолжил за него друг.

– По крайней мере, нет никаких свидетельств обратного.

– А как же я? – помолчав, спросил Мэтра. – Откуда тогда

мои силы?

Тенрей увидел, как в душе друга зарождается безнадежная тоска: ровный огонек у сердца дрогнул и потускнел, словно на него дохнули.

– Ты у нас особенный, Факирчик, – произнес он, улыбнувшись. – Не волнуйся, мы все про тебя узнаем.

Какое-то время они шли молча вдоль ряда тусклых фонарей, затем добрались до торговой площади и почти миновали ее. Все это время Тенрей незаметно поглядывал по сторонам, будто высматривал что-то среди лотков и провисших навесов. Мэтра заметил это.

– В чем дело? – спросил он.

– Да ничего особенного, – добродушно улыбнулся парень. – Просто нас прямо сейчас хотят убить.

– Ясно, – беззаботно ответил Мэтра, и они пошли дальше, но через несколько шагов он с запозданием понял смысл сказанного. – Погоди-ка… Что ты сказал? Убить?

– Ну да. Двое в невидимых костюмах.

Мэтра хотел было обернуться.

– Не поворачивайся, сразу выдашь нас. – Тенрей придержал его за локоть. – Пусть думают, что мы не знаем о них.

– А они что, реально невидимые?

– Ага. Думаю, это призраки, такие же, каких я видел на Ванкиле. Один идет прямо за нами, ждет удобного момента. А еще есть снайпер на одной из башен. Вон той, что с колоколом, позади нас.

Мэтра и правда видел по пути небольшие каменные башенки под темными сводами одной из опор верхних ярусов – остатки древней архитектуры, чудом уцелевшие под высокотехнологичной застройкой мегаполиса: осевшая кладка, узкие щели окон, ржавые потеки от новых креплений, вбитых прямо в старый камень.

– И давно они за нами следят? – Мэтра заставил себя смотреть прямо перед собой.

– С самого прилета. Они ждали нас. Две незримые энергии: из-за костюмов эмоций мне не разглядеть, но само присутствие я чувствую. Почувствовал их сразу, как мы прилетели, а дальше нужно было лишь сосредоточиться, чтобы держать их в поле зрения. Непроницаемые костюмы, слежка… Это могли быть только призраки. Мне стало интересно, как они поступят: разделятся – один за Тайном, другой за нами – или будут действовать по очереди. К счастью, оба последовали за нами, потому я и был спокоен за нашего аонского друга. А некоторое время назад второй – тот самый снайпер – свернул к башням. Не просто так: он хочет засесть там, и я даже знаю где. А уж как, наверное, обрадовались эти придурки, когда мы спустились в эту глухомань, – хмыкнул парень.

– У тебя есть план?

– Пф-ф-ф, конечно, как и всегда, – горделиво ответил Тенрей. – Помнишь прилавок с кулонами?

– Помню.

– Мы скоро будем проходить мимо него. Зайдешь в следующий за ним магазин, там есть второй выход. – Тенрей говорил вполголоса и разглядывал лотки, будто приценивался. – Тот, что сейчас позади нас, последует именно за мной: для другого я буду вне досягаемости, а снайпер станет ждать, пока ты выйдешь из магазина. Ты в этот момент выйдешь с черного хода, найдешь его на той башне и нейтрализуешь. Только я тебя очень прошу – не спали здесь все.

– А что с тем, который пойдет за тобой?

– За меня не волнуйся. Я пропетляю и заведу его в переулок, где никого не будет, а дальше разберусь. Как тебе план?

– Честно? – засомневался Мэтра. – Не уверен в успешности исхода.

– Да ладно ты. – Тенрей хлопнул друга по плечу. – Мы справимся, как и всегда.

Проходя мимо оговоренного магазинчика, Мэтра шагнул внутрь. Там было тесно и полутемно, полки до потолка ломились от всякой всячины. Он сделал вид, будто выбирает товар, искоса поглядывая на вход, но убийца за ним не последовал. Мэтра с облегчением выдохнул – все шло по плану. Выждав еще несколько секунд, он выскользнул через черный ход в узкий проход между стеной и штабелем пустых ящиков и побежал к башням, прижимаясь к фасадам, чтобы не попасться на глаза наблюдателю сверху. Под ногами хлюпало, с опор капало, и каждая капля на плече казалась ему чужим взглядом.

Тенрей миновал торговую площадь и дошел до жилого квартала. Фонари над головой мерцали, роняя на мостовую неровные пятна света, прохожих почти не осталось. Он свернул в один проулок, потом в другой, пока не уткнулся в глухую кирпичную стену. Тупик – единственный проход остался за спиной.

Стена уходила вверх и терялась в темноте под сводом яруса – неба не видно, только мокрый бетон и провода. Под ногами блестели лужи. Парень обернулся: преследователь уже перекрыл дорогу назад. Самого убийцу Тенрей не видел – лишь чувствовал слабый проблеск присутствия, заглушенный костюмом. Если сосредоточиться, можно было уловить что-то вроде далекого отзвука или расплывчатого силуэта, и этого хватало, чтобы понимать: перед ним кто-то есть.

Воздух в нескольких шагах дрогнул и пошел рябью, будто по темноте провели мокрой тряпкой, и убийца стал видимым. Непроницаемый шлем, высокотехнологичные доспехи – такие Тенрей уже видел на Ванкиле. Гладкая броня повторяла силуэт тела и отражала тусклые огни фонарей, отчего казалось, что по ней медленно стекает свет. Сомнений не оставалось – призрак «Лунного покрова».

За спиной у него виднелись два клинка, на плече висела футуристичного вида винтовка со всевозможными «навесами». Где-то наверху, за сводами яруса, глухо гудели магнитные лифты – будто из другого, обжитого и ничего не подозревающего мира.

– Дальше бежать некуда, парень, – сказал он и сделал шаг навстречу.

Позади призрака, под влажными сводами, с сухим треском лопнула старая проводка, и сноп искр на миг выхватил из темноты гладкую броню. Отблеск скользнул по костюму, мелькнул в луже у ног убийцы и угас, оставив перед Тенреем лишь надвигающуюся темную фигуру.

Тенрей попятился и уперся спиной в отсыревшую стену.

– Т-ты убьешь м-меня? – спросил он дрожащим голосом.

– Да, – твердо ответил призрак и ухмыльнулся. Его руки потянулись к винтовке.

– З-з-за что? – Руки парня тряслись, голос дрожал еще сильнее. Он прищурился от очередной вспышки искр.

Призрак поднял винтовку стволом вверх и передернул затвор – металл лязгнул коротко и деловито, как на стрельбище. В отблеске света Тенрей разглядел оружие: голографический прицел, лазер, дульный стабилизатор с глушителем и куча электроники для управления огнем. Лица за непроницаемым шлемом видно не было, но ухмылку призрака Тенрей видел в его душе.

– Прости, парень, против тебя я ничего личного не имею. Да и не хочу убивать, по правде говоря. Только у меня нет другого выхода.

Когда отблеск угас, призрак сделал еще шаг и взялся за оружие второй рукой. Щелкнул переводчик огня, загорелись индикаторы боезапаса – предохранитель снят.

– Я никому не делал ничего плохого! Я простой парень, никуда не ввязывался! Кто может желать мне смерти? Может быть, это какая-то ошибка? Пожалуйста, поймите меня правильно!

Тенрей так умело изображал простака, что на секунду его слова показались мужчине правдивыми. Но только на секунду – призрак помнил все детали своей работы. Жертва оказалась занимательной. Он навел винтовку, и на груди мальчишки засияла красная точка, дрогнула вместе с чужим дыханием и замерла. Можно и поболтать, а потом пустить в расход: дернется – получит передозировку плазмы чуть раньше, только и всего. Парень уже в ловушке. Вот только внешность мальчишки казалась ему знакомой – особенно сейчас, через прицел.

– Я не знаю, в чем там дело, но уверен, что никакой ошибки нет. Те, кого отправляли на поиски аонца, не вернулись. Зато успели сообщить, что с ним был зеленоглазый парнишка примерно твоего возраста. Это тоже совпадение? Так что никакой ты не простак, не прикидывайся. Только сейчас тебе уже не выбраться. Ты в ловушке, парень, можешь помолиться там своему пастору или последнее слово сказать. Не знаю, как тут у вас принято.

Призрак крепче сжал винтовку и прижался щекой к прикладу. Перекрестие прицела легло Тенрею ровно на сердце. Но огня он не открывал, словно нарочно оттягивал момент, хотя ни одна пуля не прошла бы мимо – его винтовка была

лучшей в своем классе. Что-то его останавливало, и Тенрей отчетливо это видел: всем видом призрак выказывал готовность стрелять, а в душе его зародились сомнения.

Очередной сноп искр осветил их в этой застывшей сцене. Искры медленно упали на землю и угасли.

– Ну да, – с досадой произнес парень: больше ничего не выведать, а значит, и притворяться незачем. Он скинул плащ и, к удивлению призрака, принялся безмятежно разминать шею и плечи – позвонки коротко хрустнули в тишине переулка. Такой резкой перемены опытный убийца явно не ожидал.

«Да, парень. Ты действительно не прост», – подумал призрак, с интересом оглядывая оппонента, и опустил ствол.

– Нападай, не стесняйся. Не хочешь стрелять? Давай, пусти в ход клинки, – добродушно улыбнулся Тенрей, и тут его осенило: – Хотя слушай, как насчет пари? Хочу предложить тебе сделку.

– Сделка? – Мужчина усмехнулся, совсем опустив оружие. – Да что ты можешь мне предложить?

«Давай, парень, удиви меня», – подумал призрак.

– Вам нужен Тайн. Конечно, вы можете искать его сами, но у вас ничего не выйдет. А после того, как он встретится с Волорином, вам уже точно будет ловить нечего. Победишь меня – скажу, где его искать.

– Волорином? – переспросил убийца, и чувства его изменились.

Тенрей увидел, как огонь в его душе взметнулся ярким пламенем.

Неужели это тот самый Волорин, которого он искал долгие годы? Он, опытный следопыт, прочесал целые сектора космоса и не нашел ни малейшей зацепки. А теперь случай свел его с мальчишкой, который владеет ценнейшими сведениями. Бывают ли такие совпадения? Видимо, предчувствие его не подвело.

«А вот теперь я тебя послушаю», – подумал призрак.

– Ну да, я так и сказал.

– Этот Волорин – ваш третий товарищ? – призрак прищурился, глядя на Тенрея.

– О нет, наш третий – это Факир, но сейчас не об этом. Ты согласен на сделку?

– А что ты хочешь в случае победы? – с подозрением спросил мужчина.

– В таком случае ты ответишь мне на все мои вопросы и пойдешь дальше по своим разбойничьим делам. Твоя голова мне ни к чему.

Убийца задумался. Терять ему было нечего, но все происходящее казалось чрезмерно подозрительным: совпадение выходило слишком уж крупным после долгих лет безуспешных поисков. Впрочем, за эти годы он усвоил простую вещь: дважды такие случаи не выпадают. Решив, что упускать возможность нельзя, убийца коснулся сенсорной панели костюма, и шлем с характерным звуком скрылся, не оставив и сле-

да.

На вид мужчине было за сорок. Голубоглазый, с ухоженной бородой и густыми русыми волосами; седина брала виски и тонкой нитью проходила по бороде. Выглядел он весьма респектабельно, и портили его разве что обветренная кожа да мелкая сеть морщин у глаз – такая бывает у тех, кто годами всматривается в даль.

Переведя оружие на предохранитель, мужчина скинул винтовку, а затем и клинки. Они легли на мокрый камень одно за другим – глухо, тяжело, без тени сожаления. Без шлема он сразу перестал походить на безликую тень из подворотни.

– У вас беда с кадрами? Не думал, что в профессиональные убийцы набирают и старперов, – съехидничал Тенрей.

Мужчина явно разозлился, и парень это увидел.

– Какой я тебе старпер, малец?

– Да ладно тебе, не злись, дедуля. Лучше вернемся к делу. Так ты согласен?

Призрак выдохнул через нос, стерпев эту выходку. С проводов сорвалась капля и звонко разбилась о лежащий на камне клинок.

– Я согласен, но у меня тоже есть кое-какое условие. Ты не просто скажешь, где находится аонец, а еще ответишь на ряд других вопросов. А отпустить тебя или нет после этого, я решу позже. По рукам?

– Еще бы. Условия?

Призрак не мог допустить, чтобы парень умер от ранений,

по крайней мере пока не ответит на вопросы.

– Бьемся до того момента, пока противник не сдастся или не потеряет сознание, – предложил он. – Без оружия, голыми руками.

– Без оружия, – поправил парень.

– Я так и сказал.

– Ты сказал не так.

– А в чем разница? – задумался убийца.

– Разница в формулировке. Бьемся без оружия, – подытожил парень и протянул ему руку.

Мужчина не стал спорить, хотя разницы так и не уловил, и они скрепили сделку рукопожатием.

– Пока мы не начали, скажи, как тебя зовут, парнишка?

– Я Тенрей.

– А я Винд. Ну что, Тенрей, приступим.

Противники ходили кругом, приглядываясь друг к другу и время от времени делая ложные выпады – проверяли реакцию. Под подошвами похрустывало битое стекло, в лужах дробились отблески фонарей, и тупик сразу стал тесным: два шага вправо, два влево – стена. Винд насчитал в обороне мальчишки массу брешей, выждал момент и атаковал.

Отвлекающий финт, два удара – Тенрей ушел от обоих, поднырнул и ответил: один кулак сухо щелкнул по челюсти, второй смял нос. Винд еще не успел выпрямиться, а парень уже обхватил руками его шею, рванул вниз и добавил ко-

леном точно в лоб. Удар отдался в кость коротким тупым стуком – так стучит камень о камень. Ноги призрака подломились, он рухнул ничком и разбил лужу в мелкие брызги. Кровь из носа тут же смешалась с грязной водой.

Тенрей не стал добивать его, а жестом призвал встать.

– К чему… такое благородство? – удивился мужчина. Он уперся ладонью в мокрый камень, рука скользнула, и подняться вышло не с первого раза.

– У всех у нас есть принципы. Вот, например, мой: не бить лежачих. Отец учил: лежачих ждут.

– Зря, – Винд тыльной стороной ладони стер кровь под носом. – Больше у тебя не выйдет такой трюк. Теперь я буду драться всерьез.

– Да уж будь добр, не хочется, чтобы ты помер раньше времени.

На этот раз Винд бился иначе – осторожно, не спеша, больше не пытаясь закончить схватку одним ударом. Он маскировал атаки и бил молниеносно – в голову и по ногам. Большую часть Тенрей блокировал, но кое-что доходило: удар по бедру прошил ногу до кости, от следующего блока онемело предплечье и пальцы перестали слушаться. Сам же парень убийцу почти не доставал.

Тенрей попробовал финт, но призрак будто предвидел атаку и ответил так, что пришлось призвать доспех на руку, иначе досталось бы всерьез. Кулак встретил черную броню с глухим стуком, будто ударили в запертую дверь, и Винд ед-

ва заметно сбился с шага. А потом парень пропустил удар в печень. Бок обожгло изнутри, дыхание сбилось, и силы потекли из него, словно кто-то выдернул пробку. Он разорвал дистанцию и сплюнул на камни; во рту стоял железный привкус.

«Ну ладно, раз ты хочешь по-взрослому…» – подумал парень, переведя дух.

Он глубоко вдохнул и снова вступил в схватку, но теперь что-то в нем изменилось. Ударов не было – одни замахи и выпады, угроза без продолжения. Он кружил вокруг призрака, словно в танце, касался кончиками пальцев то запястья, то локтя, то плеча – легко, будто пробуя ткань на ощупь, – и всякий раз успевал отдернуть руку раньше, чем на ее месте свистел чужой кулак. Он следил, как Винд отвечает и как переносит центр тяжести. Под ногами чавкала вода, и это чавканье подсказывало Тенрею, куда встает противник, даже когда он не смотрел.

«Черт возьми… «Чутье»? Неужели он использует его?» – с изумлением подумал Винд. Зная эту уникальную технику, он решил проверить догадку и нарочно открыл брешь в обороне.

Но парень не атаковал, а сделал очередной ложный выпад.

«Все-таки правда… Любой боец воспользовался бы шансом… А он за ложными выпадами изучает меня: скорость реакции, то, как переносится центр тяжести… «Чутье» нужно ему не для удара, а для оценки. Он анализирует, чтобы

потом предугадывать каждый мой удар… Удивительно…» Чувства Винда взбудоражились, окрасились более глубокими тонами.

Этой секундной потери концентрации Тенрею с лихвой хватило, чтобы достать Винда в голову и тут же в солнечное сплетение. Но противник мгновенно ответил ударом ноги в живот и разорвал дистанцию. Оба дышали тяжело, пар от дыхания таял в холодном воздухе тупика. Тенрей сверил время: битва затянулась, заканчивать нужно было срочно.

Колени у парня подрагивали, предплечье ныло, под ребрами при каждом вдохе что-то вставало поперек. На такого противника у него оставалось от силы два-три полноценных движения, дальше тело просто перестанет слушаться. Впрочем, и Винд выглядел не лучше: держался прямо, но плечи ходили в такт дыханию.

Винд понимал, что «чутье» позволит парню предугадать и следующие его шаги, а потому решил действовать совершенно неожиданно.

Тенрей атаковал, уверенный, что просчитал противника и на этот раз удар точно достигнет цели. Но Винд внезапно ушел с линии и ударил сам – под немыслимым углом, будто рука у него сгибалась не там, где положено.

Парня согнуло пополам.

Удар пришелся совсем не с той стороны, откуда его ждал Тенрей. Дыхание перехватило, под ребрами вспыхнула острая боль, в глазах на миг потемнело. Опершись руками о ко-

лени, он попытался выпрямиться, но тело не подчинялось, воздух заходил в грудь короткими бесполезными глотками. Прямо перед лицом стояла черная лужа, и в ней дрожал огонек фонаря.

– Все кончено, парень, – произнес Винд. – Сдавайся. Я сбил твое дыхание. Быстро тебе не восстановиться. Не заставляй меня наносить тебе ненужный вред.

В эту секунду Тенрей понял, что недооценил противника. Чтобы не проиграть, оставалось отбросить лишние эмоции и стать серьезным. Он до последнего не хотел выпускать того, серьезного, на волю, но иначе было нельзя.

Он глубоко вдохнул и на секунду прикрыл глаза. Разум стал чист и ясен, как кристалл. Ни одной мысли, все посторонние звуки затихли – осталась лишь цель: победить любой ценой.

– *Согласен… все кончено*, – произнес *парень* холодным тоном, твердо и уверенно. – *Сдавайся*.

– Ты это серьезно? – Призрак усмехнулся. – Да у тебя нет ни единого шанса на победу.

– *Серьезней некуда… поверь. Если ты не признаешь поражение, то… девчонка умрет*.

Ухмылка мгновенно исчезла с лица Винда, по телу пробежала легкая дрожь.

– О чем это ты? Какая девчонка?

– *Ты… прекрасно понимаешь*, – произнес сквозь кашель *Тенрей*.

Наконец парень выпрямился – медленно, позвонок за позвонком, будто разгибал не свое тело. Только сейчас мужчина заметил его взгляд: от задора начала схватки не осталось и следа. За свою жизнь Винд навидался всяких глаз – злых, пустых, умоляющих, – но эти не были ни злыми, ни пустыми: они просто считали его, как считают столбик цифр. Перед ним словно стоял другой человек.

Тенрей сделал несколько глотков воздуха, восстановил дыхание и продолжил:

– Вас двое. Ты и девчонка-снайперша в таком же костюме, как у тебя. Она вон на той башне, – парень рукой указал на сооружение, не отводя взгляда от противника. – Поэтому сдавайся… или она умрет.

Это была правда: напарница должна была сидеть на той башне, но на связь еще не выходила. Винд замешкался. Действительно ли она в опасности? Или это блеф?

– *Ну нет так нет*, – *парень* не давал противнику времени на раздумья. *Он* активировал свой коммуникатор. – Факир…

– Стой, – в панике воскликнул призрак. – Я признаю свое поражение. Не тронь ее.

– *Я победил*, – безэмоционально произнес *парень*.

Не такой победы он хотел, но время поджимало. Он подошел к Винду. Тот пытался связаться с напарницей через встроенный в костюм коммуникатор, но в наушнике стоял ровный мертвый шорох, и сколько мужчина ни повторял вызов, шорох не менялся.

– Как ты собирался связаться с другом? – в недоумении спросил призрак. – Сигнала ведь нет!

– *Все верно. Я специально заманил тебя туда, где устройства не ловят сигнал*, – холодным тоном ответил *Тенрей*.

Тут Винд понял, что его надули.

– Ты жульничал! – возмутился он.

– *Не скажи*, – возразил *парень*.

– Ты обманул меня, вынудив сдаться. Так дела не делаются.

Призрак заметил, как руки парня заволокло густым темным туманом, который через мгновение обернулся черным, темнее ночи, доспехом. Свет фонарей по нему не скользил – просто пропадал, будто на месте рук мальчишки в воздухе вырезали две дыры. Нечто подобное Винд уже видел, когда парень отразил один из его ударов, но в пылу схватки не придал этому значения. Теперь же он жаждал узнать об этой броне все.

Но вместо ответов Тенрей молниеносно схватил его за горло и поднял, словно Винд ничего не весил. Носки сапог проехались по мокрому камню и повисли в пустоте. Призрак вцепился в душащую руку, но с тем же успехом можно было разгибать пальцы статуи. Хуже того, чем дольше он касался черной брони, тем сильнее его подавляли мрачные эмоции: боль, страх, отчаяние. Они поднимались по рукам, как ледяная вода, и Винд с ужасом поймал себя на том, что перестает хотеть сопротивляться.

«Черт возьми, кто же ты такой?» – думал он, только сейчас понимая, что на самом деле значила та перемена в парне. Тяжелый, пронзительный взгляд, казалось, проникал прямо в душу.

– *Слушай внимательно и мотай себе на ус*, – произнес *Тенрей*, видя, как противник безуспешно пытается освободиться. – *Я всегда держу свое слово. Всегда. Внимательно слежу за тем, что говорят другие. И сам тщательно подбираю слова. Я обещал, что буду безоружен, и я сдержал слово. Условием победы была сдача противника, и ты сделал это сам. Тебе меня упрекнуть не в чем. И вот сейчас я дам тебе новое обещание. Если ты не заставишь свою спутницу опустить оружие, у вас будут громадные проблемы. Я знаю, что она там.*

Тенрей, не разжимая руки, демонстративно повернулся в сторону башни и громко произнес:

– *Слышишь, девчонка! Я знаю, что ты целишься в меня. Поверь, мне хватит времени, чтобы сломать ему горло. Поэтому лучше по-хорошему спускайся, и все останутся живы*!

Не дождавшись ответа, парень недовольно покачал головой и сжал руку сильнее. Винд захрипел.

– *Помоги мне, приятель. Даю слово – вы оба не пострадаете. А иначе я не гарантирую вам безопасность*.

Еще пару мгновений призрак сомневался, но все же уступил.

– Ты… дал… слово, – еле выдавил он из себя.

– *И я сдержу его. Ты же помнишь, что я сказал*?

Винд взмахнул дрожащей рукой, показав понятный только призракам жест. Через несколько секунд со стороны башен донеслось тонкое, торопливое стрекотание лебедки, разносившееся в мертвой тишине на весь квартал. Вскоре Тенрей почуял чье-то приближающееся присутствие.

– *Можешь не скрываться. Я вижу, что ты тут*, – спокойно сказал *парень*.

Шагах в десяти воздух дрогнул и сгустился в фигуру: убийца коснулась панели костюма и стала видимой. Непроницаемая броня повторяла линии женственного силуэта.

В руках она держала модифицированную крупнокалиберную винтовку с оптическим прицелом, такую же футуристичную, как у напарника; в тесном переулке та выглядела нелепо длинной, и девушка неловко прижимала приклад к боку. Она бегло осмотрела валяющиеся на земле клинки и штурмовую винтовку, а затем уставилась на парня. Эмоции в ней явно брали верх над рассуждением – Тенрей увидел это, едва она показалась.

– Отпусти его или я убью тебя! – процедила она сквозь зубы, дрожащими руками сжимая винтовку.

– Эй, ты мне не угрожай и не ставь условий. Не в том ты сейчас положении. Поняла, девчонка? – Тенрей отвел руку, сжимавшую горло призрака, чуть в сторону, давая девушке разглядеть измученное лицо напарника.

– Поняла… – В душе девушки поднимался страх.

– Я отпущу его. Но сначала дай слово, что не выкинешь никакой ерунды.

Девушка медлила, борясь с собой. Ничего подобного она раньше не видела. Как такой сопляк мог уделать ее напарника? И что у него с руками? Ствол гулял из стороны в сторону, удержать его ровно не получалось.

– Думай быстрее. Через мгновение к нам примчится мой друг Факир. И если к тому времени мы не станем по-настоящему дружной семьей, то будет беда. Но если согласишься – даю слово, что никто не пострадает. Мы сходим к вам на корабль, перекинемся парой слов и разойдемся кто куда.

– Почему я должна тебе верить? – с подозрением спросила она, не опуская оружия.

– По-видимому, у вас с подельником одна проблема на двоих – вы невнимательно слушаете. У тебя просто нет другого выбора, если оба хотите остаться в живых. Можешь не верить, дело твое.

Мысли в голове девушки путались. Она еще раз взглянула на посиневшее лицо Винда, у которого уже закатывались глаза, и больше не выдержала. Винтовка тяжело грохнула о камень.

– Договорились, черт возьми! – в панике прокричала девушка. – Да, я даю слово, что не причиню вреда ни тебе, ни твоему другу! Только отпусти его уже наконец!

– Вот и чудно, – улыбнулся *Тенрей*, видя, что девушка ска-

зала правду, и разжал хватку.

Загадочные черные доспехи с его рук исчезли так же внезапно, как и появились.

Винд упал на землю и, с хрипом втянув воздух, страшно закашлялся. Девушка тут же опустилась рядом и обняла его.

– Как ты? – тихо спросила она.

– В… порядке, – все еще кашляя, ответил мужчина.

Достав из поясной аптечки стерильную салфетку, она стала вытирать кровь с его лица.

– Не надо… я же сказал, все в порядке, – он отвернул лицо.

Винду не хотелось выглядеть перед ней слабым.

Тут из-за угла раздался грохот.

– А вот и Факирчик, – Тенрей улыбнулся как прежде. Он снова стал тем самым добродушным парнем. – Не забываем про идиллию!

Словно тайфун, в переулок ворвался Мэтра. Полы его плаща промокли до колен. Тяжело дыша, он окинул присутствующих взглядом: Тенрей без плаща; на мокром камне клинки и две винтовки; рядом, прямо на земле, двое в броне – и у мужчины разбито лицо.

– Что происходит? Это те, о ком я думаю?

– Они самые, – подтвердил друг.

– Почему они оба тут? Я сделал все, как ты сказал. Был на башне с колоколом, но там никого не было.

– Успокойся. – Тенрей положил руку на плечо товарища. –

Все закончилось. Эти горе-убийцы нам больше не угрожают. Верно, ребята?

– Верно… – отозвался уже оклемавшийся Винд.

– Раз мы во всем разобрались, то дружно пойдем к ним на корабль и поговорим по душам.

– Не разобрались, – возразил Факир. – На башне не было снайпера? Почему?

– Ну, во-первых, не снайпера, а снайперши.

– Снайперши? – Мэтра удивленно приподнял брови.

– Ты не ослышался, это женщина. Слышал о таких? Она в принципе такая же, как и ты, только между ног немного по-другому, – ухмыльнулся Тенрей.

Мэтра скорчил недовольное лицо.

– Очень смешно, умник…

– Так я и не смеюсь, сам посмотри.

Тот взглянул – и действительно: даже под костюмом по очертаниям фигуры было понятно, что это женщина.

– А во-вторых, – продолжил мысль Тенрей, – ты выбрал башню с колоколом. – Он по-прежнему улыбался. – Сам подумай: прятаться под колоколом, чтобы звук выстрела было слышно за сотни метров? Ну бред же. Правильно я говорю, милая?

– Правильно… – недовольно произнесла девушка. – И не смей меня называть милой!

– Ты сам мне сказал, что она там, – упрекнул друга Факир.

– Правда? – изобразил задумчивость парень, а потом его

будто осенило: – Точно, была же небольшая корректировка плана! Разве я не говорил?

Мэтра прищурился, сверля друга взглядом.

– Не говорил.

– По всей видимости, я просто забыл произнести это вслух. Извини, Факирчик.

– Понятно, – буркнул друг.

Тенрей отправил сообщение Тайну, а затем повернулся к призракам.

– Ну что, друзья, нас ждут великие дела! – произнес он с присущей ему улыбкой. – Пройдемте к вам на борт.

Призраки поднялись, собираясь идти, но парень их остановил.

– О! Нет, нет, нет! Не то чтобы я вам не доверяю, но все же будет лучше, если ты, – он указал на девушку, – пойдешь с Факирчиком впереди. А я с героем-любовником, – он указал на Винда, – пойду позади.

Девушка замешкалась, но напарник одобрительно кивнул ей, и она послушалась.

Всю дорогу до корабля шли молча: впереди двое, за ними, отстав на несколько шагов, еще двое, и никто не оборачивался. У корабля Винд коснулся панели костюма, и трап с характерным звуком выехал из корпуса. Из проема на ступени лег прямоугольник белого света. Девушка и Мэтра поднялись на борт.

– Не спеши, – остановил Тенрея призрак. – У меня к тебе

есть личный вопрос. Не хочу, чтобы другие слышали.

– Ну давай. – Тенрей с интересом взглянул на него и улыбнулся.

– Скажи мне честно, – Винд покосился на освещенный проем, за которым скрылась напарница, – ты правда был готов убить девушку?

Вопрос мог показаться неуместным: призраки сами пришли забрать их жизни. Но если парня и правда тренировал тот самый Волорин, малец ни за что не позволил бы себе навредить девушке.

Тенрей задумался. Тот, серьезный он, проснувшийся в нем в тупике, без угрызений совести мог забрать чью-то жизнь, если того требовала ситуация, но даже он не тронул бы снайпершу. Парень недовольно закатил глаза и цокнул языком.

– Да что с тобой не так? Почему я должен объяснять тебе одно и то же несколько раз? Ты хорошо помнишь наш разговор?

– Ну… хорошо.

– Так значит, ты еще глупее, чем я думал.

– Это еще почему? – Винд поморщился.

– Потому что слушал ты внимательно, а выводы сделал неверные. Я сказал, что сломаю тебе горло. Верно?

– Верно. – Рука призрака сама потянулась к горлу. – А еще ты сказал, что убьешь ее.

– Я сказал, что она умрет, если ты не примешь мое пред-

ложение. Но я не говорил, что умрет она от моей руки или от руки Факира.

– Ты сказал: сдавайся или она умрет. Как можно понять твои слова иначе?

– С таким бестолковым напарником, как ты, ей явно недолго жить. А если примешь мое предложение, у нее появится шанс. Вот так и понимай.

– Ты хитришь и играешь словами, – призрак прищурился.

– И что? – ухмыльнулся парень. – При этом я ни разу не нарушил слова. Тебе не в чем меня упрекнуть. Помнишь? Я всегда держу свое слово. Внимательно слежу за тем, что говорят другие. И сам тщательно подбираю слова.

Потеряв интерес к беседе, Тенрей покачал головой и поднялся на борт. Следом, так и не найдя, что возразить, поднялся и Винд.

Глава шестая

«И снова здравствуйте…»

Мэтра и девушка уже ждали в навигационном отсеке – просторном светлом помещении с большим столом-компьютером посередине и несколькими креслами по бокам. На столешнице светилась голубая план-схема судна – палубы, переходы, тонкие нити коммуникаций, – а по стенам тянулись мониторы, неторопливо перещелкивая показатели.

Пахло тут ничем – вычищенным воздухом и остывшей электроникой; после пыли нижнего яруса это казалось стерильным до неприятного. Ровный белый свет потолочных панелей не оставлял теней, и лица у всех выходили одинаково бледными. Мэтра стоял у дальнего кресла, сцепив руки за спиной, будто заранее извинялся за собственное присутствие.

Все уселись: призраки в гладкой темной броне – плечом к плечу по одну сторону стола, Тенрей – напротив. На бледном лице Винда особенно ясно проступали следы недавней схватки: распухший нос, рассеченная губа.

– Не буду ходить вокруг да около, – начал Тенрей. – Я знаю, что вы призраки и что принадлежите «Лунному покрову». Мне только одно неясно – зачем они хотят нас убить?

– Причины нам неизвестны, – ответил Винд. – Задание было такое: захватить аонца и убить всех, кто будет с ним.

– Как вы вообще нас нашли? Мы три года удачно от вас скрывались, и вот под самый конец путешествия вы все же объявились.

– Командованию поступила наводка от одного из информаторов: цель и еще двое с ним будут на Аоне. – Винд говорил ровно, сложив на столе руки в перчатках. – Честно сказать, мы не особо поверили – уж больно просто все выходило. Но другая наводка того же информатора оказалась верной, поэтому нам велели проверить.

– Ясно… – Парень прищурился. Все выглядело сомнительно, но чувства призрака говорили: он не врет. – А почему задание дали именно вам?

– Кто знает? Может, мы были ближе всех, а может, причина другая. Мне она неизвестна.

– Перед началом нашей схватки ты сказал, что не хочешь убивать меня, но у тебя нет другого выбора. – Тенрей откинулся в кресле. – Не объяснишь?

– А что из моих слов тебе было непонятно?

– Опытного убийцу замучила совесть? Не кажется тебе это подозрительным?

Винд тяжело выдохнул и провел ладонью по бороде. Посвящать парня в свои мотивы он не собирался и решил обойтись полуправдой.

– Призраки – самое элитное подразделение «Лунного по-

крова», и задачи у нас разные, не только убийства. Задания поступают нечасто, но, получив его, призрак должен либо выполнить приказ, либо умереть. Другого выбора нет.

Тенрей следил за чувствами призрака, менявшимися с каждым словом.

– Так-то ты говоришь правду… но я вижу, что ты чего-то недоговариваешь.

– Тебе так кажется.

– Ну да, ну да, – улыбнулся парень, отчетливо видя ложь.

В отсеке воцарилась тишина. Прошла минута, другая. Девушка сидела на самом краю кресла – так сидят, когда готовы вскочить в любую секунду.

– Может быть, еще какой вопрос? – недовольно пробурчала она. – Или кому чайку налить?

– Мм-м-м, нет, спасибо… это лишнее, – ответил Тенрей, улыбнувшись. – У тебя руки до сих пор трясутся – расплескаешь.

– Ну тогда проваливайте с нашего корабля! – Она указала рукой на выход.

– Не торопитесь. Это же как минимум невежливо. Мы дождемся нашего аонского друга. – Парень повернулся к призраку. – Ты ведь не против, Винд?

– Не против. Но пока ждем, может, расскажете о себе? Такую броню, как у тебя, я, например, вижу впервые. Что это? – попытался выведать призрак.

– Я бы с радостью рассказал, но боюсь, вы будете рыдать,

а платков я тут не наблюдаю. – Тенрей для верности оглядел отсек. – Как-нибудь в другой раз.

Снова стало тихо.

– И все-таки ты нарушил слово, – прервал молчание Винд.

– СЕРЬЕ-Е-ЕЗНО? – воскликнул пораженный Тенрей. – Давай, удиви!

– Условием было сражаться голыми руками. – Винд сжал и разжал кулак. – Но ты воспользовался в бою своим черным доспехом, чтобы блокировать один из моих ударов. Я заметил это.

– Ты не прав, старичок. Условие было другим.

Призрак задумался и проговорил про себя условия пари – слово за словом, как проверяют крепления перед выходом в шлюз.

– Ну да… Ты прав, – согласился он через какое-то время. – Без оружия. Как ты это назвал? Разница в формулировке, если я не ошибаюсь?

– Именно. Ты быстро учишься, – улыбнулся Тенрей.

– Знаешь, – призрак усмехнулся, – там, откуда я родом, про таких, как ты, говорят – хитер, как лис.

– Сочту за комплимент. А вот там, откуда я родом, про таких, как ты, говорят – туп, как дерево.

Девушка вскочила и в ярости ударила ладонями по столу. План-схема судна дрогнула и на миг рассыпалась голубыми искрами.

– Да как ты смеешь? – прокричала она.

Парень безмятежно сидел, и улыбка его становилась все шире. Все шло по плану. Винд, по непонятной пока причине рвавшийся к Волорину, последует за парнем куда угодно – это читалось в его чувствах ясно, как надпись на борту. Оставалось избавиться от девчонки: та будет только мешаться. Для нее Тенрей уже приготовил задание, на которое отправит ее вместе с Мэтрой; нужно лишь разделить призраков, а для этого – изводить ее, пока она сама не захочет оказаться от него подальше.

– Сядь, милая. Сейчас взрослые разговаривают, – сказал он.

Девушку переполняла ярость. Напряжение в отсеке стало таким, что впору резать ножом.

– Сядь, Ани, – спокойно сказал Винд, пытаясь сгладить ситуацию. – А ты перестань ее провоцировать.

– Так ты Ани! Хорошее имя.

– Для тебя я Аннека, придурок! И вообще не разговаривай со мной, пока я тебе глаза не повыдавливала!

– Хватит, пацан. И ты сядь, Ани.

Она села и скрестила руки на груди. Какое-то время все молчали: Аннека сверлила взглядом столешницу, Винд разглядывал собственные перчатки, Мэтра честно старался никого не смущать. Тенрей что-то пристально изучал в сети, то и дело удивленно вскидывая брови.

Так тянулось, пока в отсек не вбежал Тайн – запыхавшийся, изможденный, с кожей болезненно-серого оттенка.

– Что это за корабль и кто это такие? – Он указал на призраков.

Они не ответили.

– Не обращай внимания, это наши новые друзья – Аннека и Винд. Кто из них кто, сам разберешься, – съязвил Тенрей. – Они пока стесняются, но со временем мы станем настоящей семьей, гарантирую.

Только теперь парень как следует рассмотрел друга: с их расставания тот сдал еще сильнее.

– Что с тобой случилось? Выглядишь ужасно.

– Позже, – ответил аонец. – Мне срочно нужен терминал с выходом в сеть. Этот подключен? – Инженер указал на стол.

– Подключен… – подтвердил Винд.

Тайн активировал стол, и над столешницей развернулась голограмма статей – десятки светящихся прямоугольников, висящих слоями. Он читал бегло, перебрасывая их взмахом руки, и голубоватый отсвет полз по щекам снизу вверх. С каждым заголовком лицо аонца менялось: сперва недоверие, потом узнавание, потом что-то подозрительно похожее на ужас.

Наконец он опустился в кресло, уперся взглядом в стол и задышал тяжело, будто пробежал спринт. Во рту пересохло, на висках проступил холодный пот, пальцы на краю столешницы заметно подрагивали.

– Что ты увидел? – осторожно спросил Тенрей.

Аонец не ответил – исступленно глядел в пустоту. Осталь-

ные переглянулись: от такого поневоле делалось не по себе.

– Эй, не молчи, Тайн, – встревоженно продолжил парень.

Тот встал, оперся о стол одной рукой, другой смахнул статьи и вызвал новую проекцию.

Над столешницей появились пять планет. Они висели ровным полукругом и медленно поворачивались, каждая под своей подписью.

– Около двух веков назад во вселенной было пять могущественных империй. – Он стал указывать на планеты по очереди. – Аон, Терра, Динистрия, Таур, Беталл. По уровню технологий они далеко опережали все прочие государства. Но потом что-то пошло не так.

Палец Тайна замер над Беталлом, и планета, послушная жесту, выросла над столом.

– Эта цивилизация, если верить статье, погибла в результате природного катаклизма. И это все, что есть в сети об одной из величайших империй: единственная заметка, три абзаца общих слов. Ни имен правителей, ни городов, ни даже точной даты. У крошечных государств летопись и то длиннее. Как такое возможно?

Ладонь скользнула дальше – к Аону.

– А здесь в тот же самый год заложили Аорин. – Палец переполз на Таур. – Здесь стали праздновать день независимости. – Коротко, почти зло, он ткнул в Динистрию. – А эта империя в то же время закрылась от всего остального мира.

Последней осталась Терра. На нее Тайн указывать не стал

– просто положил ладонь рядом с проекцией.

– А здесь не произошло ничего. Если не считать того, что теперь ее населяют примитивные – по меркам вселенной – формы жизни. Но я-то знаю, что два века назад Терра была могущественной сверхдержавой. Что-то отбросило ее в развитии на многие столетия назад.

Вдруг Тайн схватился за живот, по лицу покатился пот. Он согнулся над столом, будто внутри что-то оборвалось.

– С тобой явно что-то не так, – заволновался Тенрей. Душа друга выглядела иначе, чем всегда, – потускнела, будто ее присыпало пеплом, – и это ему совсем не нравилось.

– Все… хорошо, – ответил тот и продышался. – Все, что я вам сказал, написано в сети, и так думают все. Но что же случилось на самом деле?

Остальные молчали, ничего не понимая.

– Это была так называемая Великая Световая Война, а то, о чем я говорил, – ее итоги. В сети я обнаружил, что множество мелких цивилизаций исчезли, будто их и не было. Ни одного упоминания, но я-то помню.

Тут Тайну снова стало плохо: уши пронзил неприятный писк. Но он глубоко вдохнул и продолжил:

– И это еще не все. Помимо войны был катаклизм такой силы, что его действие ощутили в каждом уголке вселенной. Я покажу.

Он снова коснулся стола, и проекция перестроилась: планеты и туманности вытянулись в одну линию, как бусины на

нитке.

– Во всей вселенной время текло по-разному. – Он указал на первую планету в ряду. – Ванкила. Девятнадцать лет назад я был там, и для меня прошло девятнадцать лет. – Палец сдвинулся к туманности. – Здесь, судя по рассказам капитана, которые казались мне бреднями, и по косвенным признакам из сети, прошло около двадцати двух лет. – Рука пошла дальше. – Аон. Здесь за то же время прошло сорок два года и семнадцать дней…

В отсеке стало так тихо, что слышно было, как перещелкивают показатели на мониторах. Винд подался вперед, уперев локти в колени. Аннека, забыв о злости, молча смотрела на светящуюся линию планет.

Тайн пропустил остальные планеты и туманности и указал на Терру – последнюю в ряду.

– Катаклизм – это временная волна, и началась она здесь. Сколько времени прошло там, боюсь даже представить. Сотни лет, а может, и тысячи. Не почувствовать такое было невозможно – и все же о нем никто не знает, как и о Вселенской войне. Только косвенные данные, которые я сопоставил со своими воспоминаниями.

Молчание тянулось несколько минут: слишком многое нужно было уложить в голове. Наконец его нарушил Винд.

– Может, ты ошибся?

– Нет, – ответил за Тайна Тенрей. – Вы не знаете его: он не стал бы говорить, не будь уверен наверняка. К тому же,

пока мы ждали, я и сам провел небольшое расследование. Я полностью согласен с Тайном.

– Да, сомнений нет, – произнес аонец. – Остается понять, что за чудовищная сила вызвала временную волну и заставила обо всем забыть.

– Или это были две разные силы? – предположил парень.

– Может, и так, – закончил Тайн и хотел перевести дух, но тут его взгляд упал на костюмы призраков. – Эй… Это что, призраки «Лунного покрова»?

– Ну да, все верно. – Тенрей улыбнулся. – Кстати, они приходили нас убить.

Глаза Тайна расширились.

– Что-о-о-о? – воскликнул аонец.

– Тише, тише, – успокаивающе произнес парень. – Не кричи ты так. Они нам больше не враги.

– Ты в своем уме? – Тайн повернулся к Мэтре. – Скажи ему. Это безумие.

– О, нет! Я умываю руки, – открестился тот.

Тогда аонец снова обратился к Тенрею.

– Ты сейчас же садишься на корабль и улетаешь к Волорину. Это не обсуждается.

Парень искоса следил, как меняются чувства Винда: там, где секунду назад было ровное спокойствие, вспыхнуло что-то острое и жадное. Тенрей улыбнулся.

– А я так не думаю. За нами уже приходили однажды, сегодня пришли снова. Думаешь, «Лунный покров» остановит-

ся? Нет. В следующий раз они пришлют кого поспособнее.

– Вообще-то мы лучшие, – вмешалась в разговор недовольная Аннека.

– Ну раз даже вы лучшие, – Тенрей цокнул языком, – то у организации явная нехватка кадров.

Девушка сорвалась с места, опрокинув кресло, и с криком бросилась на него.

– Я тебя точно нахрен грохну, тварь малолетняя… – кричала она, осыпая Тенрея бранью.

Тайн поднялся и встал между ними, преграждая ей путь. Выглядело это не слишком убедительно: его самого пошатывало.

– Не враги, говоришь? – бросил он через плечо. – Ты видишь, что творится?

– Да не волнуйся ты так, у девочек такое бывает раз в месяц, – невинно пояснил Тенрей. – Скоро все закончится, и она снова станет доброй.

Аннека взбесилась окончательно и потянулась к короткому клинку в костюме, но Мэтра опередил ее: поднялся одним движением, шагнул навстречу и обхватил девушку, прижав ее локти к бокам. Она задергалась, зашипела сквозь зубы, каблук с визгом проехал по полу – все впустую. Руки Мэтры держали мягко и намертво.

Винд тоже поднялся, пытаясь все уладить.

– Черт возьми, мы все должны успокоиться, – сказал он. – Ани, прошу, сядь! А ты, – мужчина перевел взгляд на Тен-

рея, – заканчивай уже.

Почувствовав, что девушка перестала вырываться, Мэтра отпустил ее. Она молча села за стол и скрестила руки на груди, всем видом показывая, что ничего не забыла и не простила.

В отсеке снова стало тихо.

– Я повторюсь, – сказал Тайн. – Ты должен лететь домой.

– Домой?! – Кажется, впервые в жизни Тенрей вышел из себя. – Ты называешь домом планету, откуда мы прилетели? А ты, Тайн? Ты не летишь? Ты подумал о Волорине – что будет с ним?

Тот не ответил.

– Я тебе скажу, как будет, мой желтоглазый друг, – продолжил парень. – Где бы мы ни оказались, «Лунный покров» найдет нас, потому что они знают: мы знаем о них. А с тобой все проще – тебя к тому времени наверняка прикончат. Так ведь? – Он посмотрел на Винда.

– Все верно, организация никого из вас в покое не оставит, – подтвердил тот.

– Ты все слышал, Тайн, нам не скрыться. Остается только во всем разобраться самим. – Парень сделал паузу и улыбнулся. – А самое главное, Факир Пиромантович профукал все наши деньги на обратную дорогу. – Тенрей указал на Мэтру, и тот опешил. – Ты только не кричи на него: это вредно, да и морщины появятся раньше времени.

От всей этой истории у Тайна начал нервно подергиваться

глаз.

– И… что же ты предлагаешь?

– А вот это правильный ход мыслей, – улыбнулся парень. – Как и всегда, я уже придумал гениальный план. – Он коснулся своего коммуникатора и вывел проекцию на общее обозрение. – Что мы имеем? Пять планет. К гадалке не ходи – все вертится вокруг них, значит, их надо посетить и во всем разобраться.

– Но никто ведь ничего не помнит? – возразил Винд. – Что нам даст посещение планет?

– Согласен – никто не помнит, потому что всех заставили забыть. Данных в сети нет, потому что их подчищают. Но наверняка остались письменные свидетельства, артефакты. Великая война должна была оставить следы, и больше всего их на Беталле. – Парень указал на проекцию. – Как в один момент могла погибнуть великая империя? Где ее жители? Почему в сети ни слова о беженцах? Лично мне это кажется подозрительным. Уверен: основные бои шли именно там.

– Допустим, ты прав… – протянул Винд.

– Я однозначно прав, как и всегда, – возразил Тенрей.

– Хорошо. Прилетим на Беталл – что дальше? Будем искать доказательства теории о Войне или опрашивать жителей?

– Найдем братьев Ядан, – подключился Тайн, поняв, что у него нет ни сил, ни желания спорить с Тенреем.

Затея была опасная, но выхода и правда не было. Сколько

они смогут скрываться от «Лунного покрова»? Месяц? Год? А главное – куда заведет подростка его инфантильность? Уж лучше быть рядом и приглядеть. Да и аонское нутро не давало Тайну оставить загадки без ответа.

– Это еще кто такие? – удивился Мэтра.

– Иридалл и Кирилл, дети почившего правителя империи. Я знал их, когда они были совсем детьми. Если кто и поможет нам, то только они.

Винд тем временем что-то прочитал на панели костюма и стал нервно стучать пальцами по столу. Тенрей заметил, как изменились его чувства.

– Вижу, тебе есть что сказать. Не стесняйся, поделись с нами.

Стук оборвался.

– Много лет назад «Лунный покров» давал задание на устранение братьев Ядан, но потом оно исчезло. А теперь снова активно.

– Интересненько, – улыбнулся Тенрей. – Совпадение? Думаю, нет. Нам надо найти братьев первыми. Есть возражения?

Никто не высказался.

– Это еще не все. – Тенрей перевел палец с Беталла на Таур. – В ближайшем списке посещений – империя Таурес.

– Не самая лучшая идея, – запротестовал Винд. – Скоро на планете состоится празднование дня независимости. Половина призраков будет там, и это явно неспроста.

– Оо-о-о! – наигранно удивился Тенрей. – Очередной раунд совпадений. Раз там что-то намечается, мы просто обязаны туда полететь. Тем более один из нас знаком с бывшим главнокомандующим их армии – по меркам империи вторым человеком в государстве. Уверен, он расскажет уйму всего интересного!

Все переглянулись. Винд приподнял бровь, Аннека насмешливо фыркнула, Тайн устало потер переносицу.

– Я о тебе, Факирчик. Ты не помнишь, но вы точно знакомы. – Он указал на повязку на руке друга. – Я заметил на ней интересный герб.

Мэтра опустил взгляд на повязку. Он так свыкся с ней, что давно не замечал – как не замечают собственное запястье. Потертая, выцветшая до того, что и цвета не назовешь, с рисунком, стертым почти до гладкости. Он повернул руку к свету, провел по повязке большим пальцем – и под подушечкой проступили очертания: сжатый кулак, четыре сомкнутых сустава и короткая черта большого пальца поперек. Ни надписи, ни вензеля. Чуть другой угол – и знак снова растворился в вытертой ткани.

– И знаешь, что подсказала мне сеть? Это герб семейства Торнов. Глава семейства, Керас Торн, семь лет назад был главнокомандующим армии. Вряд ли такие повязки раздают кому попало. Не сомневаюсь, что вы знакомы – и, полагаю, очень близко.

Чувства Мэтры вспыхнули яркими цветами – Тенрей ви-

дел это ясно, как огонь в темноте. Три года повязка была просто привычной вещью, а теперь оказался первой ниточкой в прежнюю жизнь.

– Летим сначала туда, – предложил Мэтра.

– Времени нет. Мы разделимся на две команды: одна полетит на Беталл, другая – на Таур. – Тенрей лучезарно улыбнулся. – Вы же нам поможете, ребята? – обратился он к призракам.

– Хрена тебе лысого! – небрежно выпалила Аннека.

– Мы в деле, – не раздумывая, ответил Винд.

– Да с какого перепугу мы вообще должны им помогать? – Девушка в недоумении вскочила с места. – Мы что, бюро добрых дел?

– Пойдем отойдем. – Мужчина встал, взял ее под локоть и увел в другой отсек.

Там горела одна дежурная лампа – желтая, вполнакала. Они отошли к самой переборке, где голоса глохли в железе; от металла тянуло холодом.

– Ты чего удумал, Винд? – тихо произнесла она. – Совсем из ума выжил?

– Тише, Ани, – успокаивал он ее полушепотом.

– Что ты задумал, черт возьми?

– Они нам нужны. – Винд оглянулся на дверь. – Я не могу упустить этот шанс. Они выведут нас на Волорина.

Девушка отвела взгляд. Злость уходила из нее медленно, как вода из пробитой канистры.

– Это тот, кого ты искал все эти годы?

– Да. Понимаешь, что это может быть единственная зацепка? Или я, по-твоему, просто так терплю выходки этого малолетнего выскочки?

– Да хрен он тебя на кого выведет. – Аннека тяжело выдохнула. – Ты не видишь, что этот мелкий говнюк – сущий демон? Хитрожопый и вертлявый, как змея. Просто тупая малолетка на понтах. Давай лучше его замочим?

– Ну… формально вы с ним примерно одного возраста, – попытался разрядить обстановку напарник.

– Неважно. Суть в том, что он загонит нас в могилу, – продолжила Аннека. – А этот бледный? Ты слышал, что он несет? Видел, как он выглядит? Настоящий торчок. Видала я таких в трущобах…

– Согласен, звучит дико. Но поверь мне, не все из сказанного им – бред.

Винд вдруг изменился в лице. Давно забытые воспоминания хлынули каскадом, к горлу подкатила тошнота, на лбу выступила испарина.

– Эй, что с тобой? – встревожилась девушка.

– Голова разболелась, – он прижал ладонь к виску. – Ничего страшного. Сейчас главное – полететь с ними. Компания не самая приятная, понимаю, но цель оправдывает средства.

Аннека подыскивала новые доводы.

– И с чего ты решил, что этот малолетний демон нам поможет? Может, речь вообще о разных людях?

– Нет. Это тот самый Волорин. Поверь, никто другой не смог бы научить пацана так сражаться.

Аннека покосилась на разбитый нос и губы товарища. После заданий у него бывали синяки и ссадины, но такого лица она не видела ни разу. И собственные доводы вдруг показались ей жидкими.

– Может, и так… – Она помолчала. – Не знаю, как тебе сказать, но я чувствую: ничем хорошим для нас эта затея не кончится.

– Я устал, Ани. Я старею, и долго нам не скрываться. Рано или поздно «Покров» поймет, что мы самозванцы, и охота начнется уже на нас. К тому же ты знаешь правила: если мы не убьем их и не захватим аонца, нам тоже не жить. Мы в тупике, и выход только один. Парнишка – ключ к нашей свободе. Он своеобразный, но добрый, я это вижу. Я найду к нему подход, стану ему другом, и он приведет нас к Волорину. С организацией будет покончено, и мы наконец обретем покой. Надо просто чуть-чуть потерпеть.

Сомнения девушки только усилились. Она и сама хотела покончить с жизнью наемного убийцы и начать все с чистого листа: надоело жить во лжи, она тоже устала. Хотелось улететь туда, где их никто не найдет, и забыть пережитый ужас. Вдруг это и есть шанс? Безысходность подступала со всех сторон, и на ее фоне призрачный шанс выглядел единственным выходом. По телу Аннеки пробежала дрожь, в горле встал ком.

Винд заметил это и обнял ее.

– Мы справимся. Ты доверяешь мне?

– Да… – шепотом, не задумываясь, ответила она и уткнулась ему в грудь. – Раз ты так считаешь, спорить не буду. Может, это и вправду шанс. Но когда все закончится, я все же завалю демоненка. Он станет моей последней жертвой. – Последние слова она произнесла с улыбкой и без злобы.

Она крепче прижалась к нему.

– Эх, Ани… – задумчиво прошептал Винд.

Через некоторое время призраки вернулись к остальным. Мэтра все еще поворачивал запястье к свету, разглядывая повязку; Тайн сидел с закрытыми глазами и, казалось, никого уже не слышал.

– Мы согласны, – объявил Винд. – Мы поможем вам.

«Ну еще бы», – ухмыльнувшись, подумал Тенрей.

– Ну, раз мы все утрясли, – сказал он вслух, – остается понять, кто с кем полетит.

– Я с Виндом – тут не о чем думать, – твердо произнесла Аннека.

Тенрей закатил глаза, всем своим видом показывая, как он к ней относится.

– Да будет тебе известно: на Беталл лечу я и Тайн, потому что он знает Яданов. Факирчик летит на Таур, потому что он знает Кераса. А вашу сладкую парочку надо разбить, потому что в каждой команде нужен призрак. Поэтому решай – с кем ты полетишь? – Он коварно улыбнулся. – Надеюсь, на этот

раз ты усвоила весь материал.

Аннеку словно ударило током. Пальцы вцепились в край стола.

– Я лечу с этим, – процедила она сквозь зубы и указала на Мэтру. – Боюсь, если полечу с тобой, то у тебя в голове появится новое отверстие.

– Вот и чудно. – Тенрей хлопнул в ладоши: обсуждение плана было окончено. – Осталось найти корабль для второй команды. Кто из вас на каком полетит?

– Ты лети на «Хищнике», Винд, – сказала Аннека. – Я с ним все равно не справлюсь.

Тот кивнул, а Тенрей вновь расплылся в улыбке.

– Я вот что вспомнил: у меня на примете как раз есть роскошный корабль. Тебе точно понравится, милая.

Мэтра прекрасно понял, о каком судне идет речь. Он поймал взгляд друга и незаметно провел ребром ладони по шее – мол, мне же крышка. Парень в ответ лишь улыбнулся и пожал плечами: каждый за себя.

– Где стоит ваш корабль? – спросил Винд.

– Недалеко, в грузовом порту. – Тенрей уже поднимался из кресла. – Сейчас как раз пойду договариваться, чтобы их взяли на борт.

Он отошел в другой отсек, чтобы разговор никто не слышал, и позвонил капитану. Над коммуникатором развернулась знакомая голограмма – мелкая, дрожащая, с рябью по бороде; ее голубоватый свет лег парню на лицо.

– Привет, деда.

– Кто это?

– Деда, не прикидывайся, ты же видишь меня.

– Не могу разобрать, изображение плохое, – соврал капитан.

– Это Тенрей.

– Не, не знаю таких.

Парень помолчал.

– Долбошлеп Соплякус, – недовольно буркнул он. – Теперь вспомнил?

– Ах да, начинаю припоминать. Факир Пиромантович с тобой?

– Со мной, – хихикнул Тенрей. – Как и всегда.

– Чего хотел, говори.

– Нужна твоя помощь, деда. Довези нас кое-куда. Это очень важно.

– Знаю я ваши «важно», – пробухтел капитан. – И вообще, денег у вас хватает. Арендуйте другое судно.

– Не в деньгах дело.

Капитан помолчал, запустив пальцы в бороду.

– Опять все профукал, малец?

– Нет, не я. Это все Факирчик.

– Ага, расскажи кому другому, – усмехнулся командир.

– Что ты все о деньгах, деда? На самом деле нам нужны твои контрабандистские способности.

– Я не контрабандист! – возмутился капитан, и голограм-

ма пошла рябью.

– Прости, не то слово подобрал. Документы всегда в порядке, я помню. Как бы то ни было, нам надо попасть на планету без лишнего внимания. Помоги, деда, последний раз прошу.

– Ага, как же, – рассмеялся командир.

– Ну пожалуйста!

– Ай, как же ты меня достал, малец! – Капитан не выдержал клянченья и капитулировал. – Когда я уже от тебя отделаюсь? У вас ровно час, или я улетаю без вас. Место прежнее.

– Спасибо, деда. Ты лучший!

– Я знаю, что лучший, но ты помни – «спасибом» не отделаетесь. Все. Шевелите ногами, время поджимает. – Голограмма моргнула и погасла.

Тенрей вернулся, но на месте был только Тайн. Он сидел в кресле, запрокинув голову, и что-то бубнил себе под нос, не размыкая глаз; серое лицо блестело от пота.

– Выглядишь еще хуже, – с волнением отметил парень. – Тебе срочно нужен врач.

– Все в порядке, – отозвался аонец, так и не открыв глаз. – Я уже выпил лекарство, скоро все закончится.

– Где остальные?

– Не знаю. Может, вышли куда.

– Сиди здесь. Я скоро буду, никуда не уходи, – сказал парень и вышел из корабля.

Все трое ждали снаружи, у посадочной опоры: Мэтра –

сцепив руки за спиной, призраки – чуть поодаль. После вычищенного воздуха отсека здесь снова пахло пылью.

– Договорился? – Мэтра шагнул ему навстречу.

– Как и всегда. – Тенрей положил руку на плечо друга. – Ну все, братишка, нам пора прощаться. Как добраться до капитана, думаю, разберешься.

– О нет, мой юный друг. Ты проводишь нас до трапа.

– Надо, да? – спросил он в надежде на отказ.

– Надо, надо, – настойчиво кивнул Мэтра.

Тенрей вздохнул и подозвал Винда.

– Слушай, не подумай, что я нарочно, но провожу их я сам, мне надо поговорить с капитаном. – Он мотнул головой в сторону корабля. – Побудь с Тайном, он очень плох, не хочу оставлять его одного.

Призрак помедлил, но уступил. Он подошел к Аннеке и вложил ей в ладонь небольшое устройство размером с игральную кость – теплое от его перчатки, почти невесомое, с одной-единственной кнопкой на гладком боку, такой, что находишь пальцем даже в темноте.

– Возьми. Это мощнейший передатчик, его сигнал пробьется через любые помехи. Если что-то случится – активируй его. Я брошу все и примчусь к тебе.

– Хорошо… – ответила она и сжала устройство в кулаке.

Девушка крепко обняла товарища.

– Не волнуйся за меня, я справлюсь, – полушепотом произнесла она, прижимаясь к нему крепче. – Поэтому ты тоже

береги себя… мой герой…

*

До порта добрались втроем. Солнце клонилось к шпилям: грани башен горели медью, от штабелей контейнеров через всю площадку тянулись длинные тени, и роботы-погрузчики ныряли из света в тень, коротко сигналя друг другу. Пахло горячим металлом и озоном. Капитан уже стоял у грузовой аппарели, заложив руки за спину; длинная серая борода шевелилась на ветру, как куст.

– Привет, капитан, – кивнул ему Мэтра.

– Ну привет, Пиромантович, – капитан смерил его взглядом снизу вверх, – не думал, что еще увижу тебя.

– Как и я, – ответил Мэтра.

Аннека смотрела на корабль, открыв рот.

Обшивку в три слоя покрывала ржавчина – рыжая, бурая и совсем черная; краска сползала лоскутами, на борту еще угадывался затертый рисунок то ли рыбы, то ли змеи. Робот-погрузчик, кативший мимо, мигнул на судно сканером и на всякий случай объехал его подальше.

– Мы полетим на этом? – Она ткнула в корабль пальцем. – Вы серьезно?

– Это он только с виду такой, для конспирации. Судно-то контрабандистское, как-никак. Внутри сплошная роскошь! – ответил Тенрей, сдерживая улыбку.

– Мой корабль лучший, – подтвердил капитан. – Не нравится – ищите другой. Хотя… у вас же нет денег. Правда, Долбошлеп?

– Я начинаю влюбляться в вас, капитан, – по голосу было слышно, что девушка улыбается.

Душа ее ликовала: наконец-то ехидничали не над ней, а над Тенреем.

– Куда хоть собрались? – продолжил командир судна.

– Да тут недалеко, – парень выдержал паузу, – на Таур.

– Недалеко? – Капитан скривился. – Ты вообще карту звездного неба видел? Это совсем не близко, да еще и в другой стороне от моего маршрута.

– Ну деда? – снова стал выпрашивать Тенрей, молитвенно сложив руки на груди.

Аннека устала это слушать. Она нажала кнопку на костюме, и шлем исчез. Роскошные рыжие волосы рассыпались по плечам. Она взяла ладонь капитана в свои и прижала к груди.

– Выручай, капитан, – произнесла она кокетливо, словно лиса.

Миловидное личико окончательно сразило командира. Он взглянул в ее бездонные глаза, щеки над бородой порозовели, и от прежнего самообладания не осталось и следа.

– Ну как же я могу отказать такой красотке! Полетели, так и быть.

Аннека отпустила руку капитана, развернулась к Тенрею и сверкнула глазами: учись, сопляк. Тенрей улыбнулся в от-

вет и тут же получил неприличный жест.

Когда все разошлись, Мэтра остался с Тенреем наедине. За три года он узнал друга не хуже, чем себя, и понимал: тот чего-то недоговаривает.

– Что ты задумал? – спросил он, подойдя ближе. Низкое солнце стояло у него за спиной и зажигало белые волосы по краю.

– Прости, Факирчик. Я безгранично тебе доверяю, но даже так не могу сказать всего. Поверь, на то есть причины. Знай одно: весь этот балаган я затеял только ради тебя. И даже девчонку извожу не просто так, хотя… не скажу, что мне это не доставляет удовольствия. – Он улыбнулся. – Уверен на все сто: ниточки приведут нас к тайне твоей памяти. Даю слово, когда настанет время, я тебе все расскажу. Ты мне доверяешь, братишка?

Мэтра ответил не сразу: недомолвки были ему не по душе. Но за все время дружбы Тенрей ни разу не дал повода в себе усомниться.

– Доверяю, – согласился он, хоть и с тяжелым сердцем. – Как и всегда.

– Вот и отлично. Наши призраки…

– Теперь они наши? – с улыбкой перебил друга Мэтра.

– Ты даже не представляешь насколько! Скоро поймешь, а пока будь добр – не перебивай. – Тенрей понизил голос. – В общем, на Тауре будет много других призраков. Поэтому, хоть я и знаю, что ты у нас невероятно крут, прошу: не вяз-

зывайся ни во что, Факирские удары не используй – и все пройдет гладко. Девчонка тебе во всем поможет.

– Это ты мне говоришь не ввязываться в неприятности?

– Я тоже постараюсь последовать этому примеру. – Улыбка на лице Тенрея стала шире.

Друзья обнялись на прощание, и группа поднялась на борт. Потирая ладони, Тенрей следил, как медленно ползет вверх грузовая аппарель. Вдруг из недр корабля раздался истошный крик:

– Вы совсем… Да я убью этого мелкого говнюка нахрен! Выпустите меня, мать вашу, я завалю его! – вопила девушка, захлебываясь гневом.

Она выкрикнула еще много бранных слов, но нарастающий гул двигателей съедал их одно за другим. Аппарель встала на место. Судно оторвалось от земли, качнулось, набрало высоту и вскоре скрылось среди облаков, оставив за собой расплывающийся инверсионный след.

Тенрей постоял еще немного, задрав голову, пока след не вытянулся в тонкую белую нитку. Улыбка сползла с его лица сама собой. На площадке стало пусто и очень тихо – так бывает, когда уносят половину твоего дома.

*

Едва Тенрей вернулся, его окликнул Винд. Тот стоял у двери навигационного отсека. Через маленькое стекло не бы-

ло видно, что творится внутри, – зато изнутри на нем отпечаталась окровавленная ладонь.

– Наконец ты пришел, – взволнованно произнес призрак, воюя с механизмом двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.